

Зима

16 ноября 1941 г.

Зима наступила необычно ранняя и холодная. Сегодня чуть потеплело, и сразу повалил снег. Красиво в лесу. Среди густых зарослей и снежных сугробов наша землянка почти не заметна, хотя находится она на горе. Партизаны называют эту гору Скирдой. Она и в самом деле имеет форму скирды. Вид у горы внушительный: высота почти тысяча метров, и тянется Скирда с юга на север на два километра. Всю ее покрывает густой лес: бук, граб, дуб. А главное — Скирда всего в четырех километрах от шоссе — дороги Карасубазар — Ускут. В общем эта гора — идеальное место для расположения партизанского отряда. И надо признать, что командир Ичкинского отряда М. И. Чуб прекрасно организовал здесь оборону.

Отсюда до горы Средней, где находится лагерь Б. Б. Городовикова, не более двух километров. Но «зим-

ние» километры в горах — мера особая. Сегодня утром мы с Поповым, Лобовым и Касьяновым убедились в этом, когда два часа «плыли» по снежным сугробам к Городовикову.

— Как настроенные у людей? — спросили мы Басана Бадьминовича.

— Прекрасное. Закапчивают постройку землянок. Рвутся в бой.

Мы провели в отряде весь день: беседовали с бойцами, с командирами. Половина из них — коммунисты и комсомольцы, народ боевой, сознательный. Доброе подкрепление получили партизаны. Славно будем бить врага.

17 ноября

Только что вернулись с Поповым из Джанкойского отряда. База отряда — гора Берлюк. Эта гора имеет важное тактическое значение — она прикрывает подступы к штабу района и фланги других отрядов.

Не понравились нам порядки у джанкойцев. В штабной землянке живут вместе командиры, политработники, бойцы. Командир Владимир Удовичкий и комиссар Евгений Киселев обсуждают при них самые секретные вопросы.

Пришлось разъяснить командиру и комиссару, что интересы дела требуют сохранения военной тайны.

Состоялось партийное собрание отряда. На повестке дня два вопроса: задачи отряда на ближайшее время и выборы партийного бюро.

По первому вопросу слово предоставили мне. Я указал на необходимость изучать военное дело, овладевать тактикой партизанской борьбы, укреплять дисциплину. Сослался на примеры.

— Сегодня утром у вас произошла стычка с вражеской разведкой, — напомнил я. — Гитлеровский офицер и пять солдат бесечно шли по лесу, громко разговаривали. Всех их можно было взять без единого выстрела. Для этого требовались только выдержка и терпение. Их-то у вас и не оказалось. Издалека открыли огонь, убили офицера и двух солдат, а трое убежали. От пленных можно было получить ценную информацию... Подобных ошибок нужно избегать.

Перед выборами коммунисты поинтересовались, как строятся партийные организации в отрядах, как будут собираться взносы, как и где хранить партийные билеты.

Попов разъяснил, что партизанские партийные организации следует строить по армейскому принципу: в отрядах — бюро во главе с секретарем, в группах партработу возглавляет парторг. Такова же и структура комсомольских организаций. Партийные взносы до выхода из леса не собирать. Билеты хранить при себе. Уходя в разведку или на выполнение особых заданий, партбилет сдавать секретарю бюро или комиссару отряда.

Секретарем партийной организации отряда единодушно избран молодой, энергичный и боевой товарищ Виктор Кузьмич Резепов.

18 ноября

Батальон оккупантов внезапно напал на Ичкинский отряд. Партизаны просмотрели противника, пропустили его глубоко в лес и дали бой только на подступах к лагерю. Фашисты заняли господствующую в этом районе высоту Аю-Кая, а затем борьба разгорелась на горе Скирда. Целый день упорно оборонялись партизаны, но силы были неравны. К вечеру отряд отошел на гору Среднюю.

Как получилось, что такой боевой командир, каким является Михаил Ильич Чуб, допустил подобную промашку?

Когда мы проанализировали этот случай, то стало ясно, какие причины обусловили возможность столь неприятной и печальной ошибки. На этих причинах хочется остановиться подробнее. Ведь выводы из случившегося должны были сделать для себя все отряды.

Прежде всего Чуб считал невероятным появление противника на Аю-Кая со стороны деревни Арпат. И на первый взгляд могло показаться, что он был прав, что гитлеровцы не рискнут пробираться по отвесным, обледеневшим скалам. А вот рискнули.

До этого злополучного дня ичкинцам сопутствовала боевая удача, что явно вскружило голову партизанам. И хотя они действительно смело дрались с врагом, одной лишь храбрости для борьбы с таким сильным противником, каким являлись регулярные части оккупантов, оказалось явно недостаточно. Да иначе и быть не могло.

Без боевого мастерства, без тактической грамотности командира отряда и особенно командиров групп нельзя было твердо рассчитывать на успех. Кроме того, в наших условиях, чтобы руководить боем, своевременно исправлять ошибки и оказывать необходимую помощь ослабленным участкам, нужно иметь хорошо налаженную связь, непрерывную информацию, нужно, чтобы четко работал штаб отряда. А в данном случае начальник штаба растерялся, не организовал управление боевыми группами, и они, по существу, действовали автономно, каждая на свой страх.

Отсутствовала во время боя и взаимопомощь между отрядами. И хотя командир отряда Д. Ф. Исаев имел приказ прикрыть одной группой дорогу со стороны деревни Саргана, а остальными группами зайти во фланг и тыл противника, Исаев выполнил приказ не точно и с большим опозданием. В результате его помощь ичкинцам была малоэффективной.

Очень подвели в этот раз джанкойцы. Вместо того чтобы прикрыть тыл и фланги отряда Чуба, они без боя пропустили мимо себя вражескую группу, которая зашла ичкинцам в тыл и заставила их отойти.

На ночь оккупанты ушли из леса и остановились в лесничестве Верхний Кокасан. Мы видим отблеск костров и слышим песни. Не иначе, там идет попойка по случаю «победы». Фашисты не подозревают, что остальные партизанские отряды еще не вступали в бой.

На ночь мы усилили боевое охранение, четко организовали разведку, подтянули резервы. Готовим противнику хороший «сюрприз».

19 ноября

Утром со стороны Верхнего Кокасана долго слышалась беспорядочная стрельба из винтовок, автоматов, пулеметов, доносились взрывы гранат. Разведчики Павел Кузьменко, Иван Егоров и Андрей Великов, побывавшие в расположении врага, помогли нам разобраться в ситуации. Оказывается, оккупанты спешно «разгружались» от имевшихся у них боеприпасов. Командир батальона приказал солдатам говорить, что патроны и гранаты израсходованы в боях с партизанами, и быстро увел своих вояк из лесу.

Из Ичкинского отряда передали, что, когда партизаны вернулись в лагерь, они обнаружили в санитарной землянке обезображенные трупы Ивана Алексеевича Ясинского, медсестры Наталии Васильевны Лупевой и четырех военнослужащих, фамилии которых установить не удалось.

Дикое глумление фашистских бандитов над ранеными вызвало у нас лютую ненависть к врагу. Партизаны поклялись отомстить за муки товарищей.

20 ноября

Фашистское командование усиленно пытается установить численность партизан и дислокацию отрядов. Непрерывно ведется разведка. Против нас посылают то небольшие группы, то целые батальоны. Сегодня группу оккупантов повел в лес предатель, сбежавший из Ичкинского отряда. Но фашистскому холоду не повезло. То ли он что-то спутал, то ли сбился с маршрута, только довольно быстро вывел своих господ на партизанскую заставу, которой командует Сергей Николаевич Коновалов. Первым выстрелом партизаны уничтожили предателя, а затем открыли такой плотный огонь, что гитлеровцы, оставив на снегу несколько трупов, бросились наутек. Подобные стычки происходят почти ежедневно. Мы решили активизировать боевые действия, навязывать свою волю противнику.

Заново пересмотрели систему охраны лагерей. Ичкинский отряд вновь занял район прежнего расположения. Чубу предложено выделить группу в двадцать человек для обороны высоты Сахарная головка (Аю-Кая). Партизаны выроют здесь землянки и будут постоянно держать под контролем дорогу по западному склону горы Скирды.

Получили задание и отряды, сформированные из бывших военнослужащих. Городовикову приказано группой в двадцать человек занять вершину Скирды. Дальнейшая задача: не допустить противника на высоту и держать под контролем ее западные скаты. Остальным подразделениям отряда находиться в занимаемом районе, контролировать дорогу на Айлянму. Одну группу держать в резерве.

Удовичкову поставлена задача занять гору Берлюк, выделив для этого одну группу. Остальные подразделе-

ния будут находиться в занимаемом районе, держа под контролем дорогу Айлянма — Капсихор, Айлянма — Шелен.

Отряд Исаева остается в занимаемом районе. В случае боя он будет поддерживать любой наш отряд. Постоянная задача: следить за дорогой Верхний Кокасан — Саргана — Айлянма.

Такое расположение застав обеспечивает нам круговую оборону.

Командирам отрядов приказано немедленно доносить в штаб района о вступлении в бой и извещать об этом соседей. Связь будет поддерживаться непрерывно. Отходить с занимаемых рубежей разрешается только по моему указанию. Трусов и паникеров, оставляющих позиции без разрешения командира, а также командиров, не выполняющих настоящий приказ, будем судить и строго наказывать.

Для передвижения по лесу введены единые пропуска.

Особое внимание командиров обращено на необходимость поднять дисциплину и усилить бдительность.

22 ноября

Более полумесяца находимся в лесу. Радию нет. Оккупанты распространяют самые невероятные слухи. От каждого партизана требуется сейчас исключительная выдержка.

Подготовили текст партизанской клятвы. В ближайшие дни ее примут во всех отрядах. Сегодня на небольшой полянке построился личный состав штаба района. В торжественной тишине приносим клятву на верность Родине, партии, народу:

Клятва красного партизана второго партизанского района Крыма.

Я, гражданин (гражданка) СССР, ясно и глубоко понимаю всю серьезность Великой Отечественной войны, ведущейся многомиллионным советским народом против озверелого фашизма, вероломно и коварно напавшего на мою священную Отчизну.

Я знаю, что фашизм несет моей Родине рабство, бесправие, нищету и худшие времена крепостничества.

Я глубоко верю в наше великое, непобедимое знамя Маркса — Энгельса — Ленина. Я твердо знаю, что наша родная земля, обильно политая кровью рабочих и крестьян, никогда не будет фашистской. Советский народ, познавший гордость свободы, никогда не станет рабом. У меня нет и не может быть иного пути, кроме пути, который указал нам Ленин! Мое место, как честного труженика, в рядах активных борцов против германского фашизма.

Нашей великой Коммунистической партии, моему свободолюбивому народу, моей любимой Отчизне приношу партизанскую клятву:

1. Клянусь быть честным и преданным нашей матери-Родине, до последнего дыхания с достоинством и мужеством защищать ее честь, свободу и священную независимость, сражаться до полного уничтожения и изгнания фашистской нечисти из пределов нашей земли.

2. Клянусь строго соблюдать революционную дисциплину, беспрекословно выполнять все приказы моих командиров, комиссаров и начальников.

3. Клянусь смело, гордо и без уныния переносить все тяготы и лишения партизанской жизни и борьбы.

4. Клянусь с презрением к смерти выполнять все задания, которые мне поручат командиры, комиссары и начальники.

5. Клянусь строго хранить военную, государственную и партизанские тайны, никому не разглашать места нахождения баз и постов отряда.

6. Клянусь быть бдительным, зорко следить за тем, чтобы в наши отряды не проникал провокатор, диверсант, шпион и их пособники.

7. Клянусь беречь и содержать в исправности оружие, боеприпасы и имущество.

8. Клянусь постоянно учиться и совершенствоваться в ведении партизанской войны.

9. Клянусь крепить дружбу с местным населением... Не допускать мародерства и вести борьбу с теми, кто пытается нарушить эту священную партизанскую клятву.

10. Если по злому умыслу я отступлю от настоящей моей клятвы, то пусть покарает меня суровая рука красных партизан.

24 ноября

Штаб района перебрался в жилую землянку на горе Средней. Меня сопровождал на новое место Егор Сергеевич Шутеев. Участник первой мировой и гражданской войн, этот уже пожилой человек решил бороться и против гитлеровских захватчиков. За плечами у Шутеева большой опыт солдатской службы. Я видел, как тянутся к нему молодые партизаны, и не удивлялся: у Егора Сергеевича было чему поучиться.

С трудом поднялись на гору. Остановились передохнуть. Шутеев свернул козью ножку, затыкнул и чуть улыбаясь сказал:

— Скоро месяц, как в лесу, а до сих пор не научился ходить по горам, не научился толком ориентироваться. Все кажется, будто я в море: куда ни глянь, берега не видать... Привык к степи. Станешь там на околице деревни — и все как на ладони. В лесу не то. Хожу, как с завязанными глазами. А ведь таких «степных» людей, как я, среди партизан большинство.

Разговор с Шутеевым натолкнул меня на мысль всерьез подзаняться с людьми. Вызвали в штаб командиров ближайших отрядов и предложили им в течение пяти — семи дней ознакомить личный состав с районом расположения, научить ориентироваться в горно-лесистой местности, вести групповую разведку вдоль дорог.

25 ноября

Сколько замечательных людей пришло в лес! Каждый из них горячий патриот, для которого Родина, ее честь и свобода дороже всего. Таков и Григорий Дмитриевич Назаренко, сумевший в короткий срок завоевать доверие, уважение и любовь партизан.

Григорий Дмитриевич родился в 1904 году. Его отец 35 лет работал лесником в Сартанском и других лесничествах. Сын пошел по стопам отца. Места, где сейчас дислоцируются наши партизанские отряды, он знает, как собственные пальцы.

Познакомился я с Назаренко в первых числах сентября, когда подыскивал участки под лагеря отрядов.

— Что намерены делать, если оккупанты придут в Крым? — спросил я тогда.

Назаренко закурил и неторопливо ответил:

— Человек я советский. С оккупантами мне не жить. Мой путь с вами. Что скажете, то и буду делать...

Через несколько дней после этого разговора я привлек Назаренко к работе. До нашего ухода в лес он больше месяца помогал выбирать участки под будущие базы и лагеря. Никто другой не посвящен в наши святая святых так, как Григорий Дмитриевич. Он знает расположение всех отрядов и их баз. С первых дней жизни в лесу ему дают самые ответственные поручения. Он — главный проводник и связной штаба района.

Назаренко привел к нам в лес и своего дружка — лесника Павла Фомича Кузьменко. Теперь они постоянно вместе.

Но наших друзей постигло несчастье. На прошлой неделе в деревне Сартана фашисты арестовали жену Кузьменко, а через день нам доставили записку от жены Назаренко, Ирины Ивановны. Несчастливая женщина умоляла мужа вернуться: иначе ей и детям грозит смерть.

Все наши попытки спасти семью товарищей оказались безуспешными. Разведка установила, что в доме Назаренко устроена засада, а его семью гестаповцы куда-то увезли.

Григорий Дмитриевич и Павел Фомич тяжело переживали свою беду. А мы были бессильны чем-либо помочь.

Утром в воскресенье друзья зашли в штабную землянку. Назаренко устало присел на обрезок бука. Кузьменко встал возле него. Оба долго молчали. Потом Григорий глухо спросил меня:

— Как быть, Иван Гаврилович?

— Надо решать самому, — ответил я. — Поступай так, как подскажет совесть.

— Решение может быть только одно — к фрицам не ходить, — сказал другу Павел. — Они знают, что тебе известно расположение отрядов, баз. Надеются заполучить тебя, а с твоей помощью разгромить партизан.

— Этому не бывать! — твердо ответил Назаренко. — Жену и детей я люблю, но предателем не стану, товарищам и Родине не изменю. Я остаюсь с вами.

...Сегодня стало известно: гитлеровцы расстреляли жену и детей Назаренко.

Устанавливая «новый порядок», оккупанты сеют смерть и страдания. Появляясь в населенном пункте, они берут в качестве заложников 10—15 местных жителей. Ночью в деревне Кабурчак, Карасубазарского района, кто-то пристрелил немецкого солдата. Утром были расстреляны 12 заложников.

Назаренко и Кузьменко принесли приказ военного коменданта Карасубазара от 24 ноября, расклеенный в Айлянке. Ну и гнусный же это был документ! Гнусный, жестокий и лицемерный. За малейшее нарушение «нового порядка» — смерть. За убийство фашистского солдата — расстрел 30 советских граждан, за покушение на офицера будут казнены 200 человек.

В конце приказа лицемерно сообщалось:

Все партизаны, являющиеся из леса добровольно, будут амнистированы и распущены по домам.

Трудно передать, какое великое возмущение вызвал у партизан этот человеконенавистнический документ. В отрядах прошли специальные собрания. Мне запомнилось гневное выступление бойца из группы Коновалова, бывшего учителя соронской начальной школы Анатолия Николаевича Караджиева:

— Я предлагаю сохранить этот приказ, — сказал он. — Освободим Крым, вырубим этот текст на каменных досках и выставим в городских скверах. Пусть наши дети, внуки и правнуки знают, с какими бандитами мы вели войну, защищая родную Отчизну.

Стоят сильные морозы, необычные для Крыма. Из-за морозов пришлось срочно пересмотреть систему нашей охраны.

До сих пор мы располагали заставы на значительном расстоянии от лагерей отрядов. Делалось это для того, чтобы в случае нападения гитлеровцев на один партизанский лагерь, они попали под кинжальный огонь застав других отрядов. Внутрилагерная гарнизонная служба построена таким образом: на всех дорогах, тропках и тропинках, что ведут к лагерям отрядов, выставляются секреты, дозоры, посты. Это обеспечивает круговую оборону всех отрядов. Внутри лагерей у штабных землянок

дежурят часовые. Даже в то время, когда партизаны отдыхают, треть личного состава находится в полной боевой готовности.

Такая система охраны себя оправдала. Но в связи с холодами пришлось приблизить заставы и посты к лагерям. Кроме того, командирам и комиссарам отрядов приказано лично проверять расположение постов, секретов и четкость несения службы охраны.

1 декабря

Прошел месяц после нашего выхода в лес. Можно подвести некоторые итоги.

Партизанские отряды были созданы до прихода врага: был заранее подобран личный состав, в лесу отведены районы дислокации отрядов, места под закладку баз, заготовлены и забазированы продукты, оружие, обмундирование, кухонный инвентарь, шанцевый инструмент. Своевременно началось и строительство лагерей. Благодаря этому партизанское движение в Крыму, имевшее централизованное руководство, с первых дней приняло вполне организованную форму.

И все же в первые дни к партизанам пристало немало неустойчивых и ненадежных людей, от которых, к счастью, мы довольно быстро избавились, предложив им уйти из отрядов.

В первой половине ноября ряды партизан пополнились бойцами, командирами, политработниками Красной Армии и Флота, которые не сумели пробиться в Керчь и Севастополь.

Решающую роль в сплочении наших рядов, укреплении дисциплины, повышении боеспособности и моральной устойчивости сыграли партийные и комсомольские организации. Очень подняло боевой дух народных мстителей принятие партизанской клятвы.

Отряды различны по численности: от 90 до 160 человек. Количество групп в отрядах тоже неодинаково. В одних три-четыре, в других пять-шесть и более. В каждой группе 25—40 человек. На сегодня в десяти отрядах района имеется 36 боевых, 16 разведывательных и 12 диверсионных групп.

Всего в отрядах насчитывается 1198 человек. 546 из них коммунисты, 316 — комсомольцы, есть даже несколько пионеров.

Среди партизан 208 женщин. Они прекрасно несут нелегкую боевую службу, являются примером в работе, разведке, в бою.

Готовясь к выходу в лес, мы не располагали хорошим оружием. Отряды получили главным образом берданки, польские, чешские и японские винтовки. Русских винтовок было очень немного. Сейчас все отряды хорошо вооружены. Часть оружия мы получили от войск, часть отбили у противника. В нашем распоряжении 1273 винтовки, 16 станковых и 27 ручных пулеметов, 43 автомата, 2300 гранат, 9 минометов, 1030 мин, 98 пистолетов, 440 тысяч патронов к русским винтовкам и автоматам, 46 биноклей.

Главная трудность, с которой мы столкнулись с первых дней прихода в лес, — слабая военная подготовка партизан. Предстояло учить их. Привлекли к этому делу бывалых солдат. Занятия дали хорошие результаты. Однако давно известно: учеба учебой, а самым лучшим воспитателем и учителем партизан является бой. За месяц проведено 18 боев с оккупантами и несколько диверсий. Уничтожено около 200 вражеских солдат, 2 офицера и 5 предателей. Взяты трофеи: пулемет «кольт», 4 ручных пулемета, 140 винтовок и 8 ящиков патронов. За это же время мы потеряли 8 человек убитыми, 5 партизан ранено.

Сейчас наши отряды представляют собой тесно спаянные, хорошо подготовленные боевые единицы, готовые выполнить любое задание командования.

2 декабря

Вернулись наши разведчики Г. Д. Назаренко, И. Л. Куперман, Д. И. Дмитриенко, И. И. Стебляно, которых мы посылали со специальным заданием в первый район. Они принесли мешок денег (209 тысяч рублей) * и пакет от Мокроусова.

В пакете оказался приказ Центрального штаба № 1 от 31 октября 1941 года. В нем говорилось, что командующим партизанским движением Крыма назначен Мокроусов, комиссаром — Мартынов, начальником штаба — Сметанин. Начальником первого района назначен Александр

* Здесь и далее денежные суммы указаны по тогдашнему курсу рубля. — *Прим. ред.*

Артемьевич Сацюк, второго — Иван Гаврилович Генев, третьего — Георгий Леонидович Северский, четвертого — Иван Максимович Бортников, пятого — Владимир Васильевич Красников.

Далее ставились задачи, ориентировавшие начальников районов только на период выхода партизан в лес.

Оперативные, организационные и политические вопросы, вытекающие из обстановки, сложившейся в Крыму на сегодняшний день, приходится решать самому.

Радиосвязи с Центральным штабом пока нет. Наладить связь через посыльных тоже еще не удалось.

3 декабря

Пятые сутки сыплет густой снег. Наши землянки утопают в сугробах. В лесу все будто замерло. Нет никакого движения и на дорогах. К вечеру разразилась снежная буря, лес шумит, как море во время шторма. Но боевая жизнь партизан и в этих условиях идет в прежнем ритме. Одни уходят в разведку, другие — на диверсии; часть бойцов охраняет безопасность своих товарищей, пока они отдыхают. Не сидят без дела и связные. Только что пришли посыльные из Карасубазара. Наши друзья сообщили: гитлеровцы создали в Симферополе специальный штаб для руководства борьбой с партизанами. Ну что ж, мы не останемся в долгу...

Все внимание штаба района, командиров и комиссаров отрядов, командиров и политруков групп, партийных и комсомольских организаций нацелено на укрепление дисциплины, повышение боевой выучки и организованности.

За последнее время у нас произошли кое-какие перемещения среди командного состава отрядов.

Командиром Джанкойского отряда назначен командир первой группы Иван Павлович Рюмшин, комиссаром — батальонный комиссар Петр Николаевич Клеветов.

Начальником разведки красноармейского отряда № 18 вместо погибшего в бою лейтенанта Мостового стал Али Ибрагимов; комиссаром Ичкинского отряда вместо В. А. Золотовой, переведенной на другую работу, назначен В. К. Полянский. Командиром Сейтлерского отряда утвержден Мухомедьяров, комиссаром — М. И. Пузакин, начальником разведки — Л. Б. Скавронский. Начальни-

ком штаба Ичкинского отряда вместо Василия Кудрявцева, который не оправдал наших надежд, поставлен И. З. Барановский. Начальником штаба Зуйского отряда вместо не справившегося с работой Макухина назначен полковник В. Д. Тимофеев. Начальником финансовой части штаба района утвержден В. Ф. Гибл.

Готовя материалы о назначениях и перемещениях, штаб района с удовлетворением отметил отличные боевые и политические качества большинства командиров групп. В боях против оккупантов незаурядную личную храбрость, мужество и тактическую грамотность проявили Василий Шашлыков, Сергей Коновалов, Владимир Жигарев, Антон Гавриленко, Георгий Красовский, Иван Мотихин, Владимир Мамасуев, Николай Мильто, Семен Зарецкий, Иван Юрьев, Иван Саган, Иван Голиков.

Немало способных товарищей выявилось и среди рядовых бойцов. Многих можно с успехом выдвигать командирами групп. К нашему огорчению, до сих пор на положении рядовых находится и большая группа офицеров, которые из-за отсутствия вакансий пока не используются на командных должностях.

6 декабря

В штабе района состоялось совещание командного состава отрядов об основных принципах тактики нашей борьбы с оккупантами. Выступая, я подчеркнул, что до сих пор противник, как правило, сам навязывал нам бой в лесу, нередко даже в районе партизанских лагерей. Теперь, когда основная масса бойцов освоилась с лесом и почти все участвовали в боях, нам пора брать инициативу в свои руки, выходить из леса и действовать на коммуникациях противника. Чтобы сохранить силы, нужно избегать открытого боя, нападать внезапно. Боевые вылазки будем проводить не от случая к случаю, а систематически, по разработанному плану, тщательно готовясь к каждой.

Штаб подсказал командирам отрядов, что выгоднее посылать на операции не 25—30 человек одновременно, а небольшие группы в три—пять человек. Сама жизнь подтвердила целесообразность такой организации. Вчера, к примеру, группа Колайского отряда из двадцати двух бойцов под командованием Владимира Опекунова напала

на подводу с четырьмя солдатами. Это не что иное, как образец неразумного расходования сил и средств. Совсем иначе действовали ичкинцы. Группа из их отряда в составе всего пяти человек, возглавляемая Владимиром Жигаревым, успешно справилась с девятью гитлеровцами: ни один из них не ушел от партизанской пули, а наши не понесли никаких потерь. Небольшой группе легче и незаметно подойти к дороге и, выполнив задание, так же незаметно скрыться.

В заключение был объявлен приказ: с 10 декабря всем отрядам начать активные действия на дорогах. В каждом отряде выделить две-три группы из трех — пяти человек. Бойцов оперативных групп обеспечить обувью, одеждой и боеприпасами. Операции проводить из засад. Группа, захватившая ценные трофеи и пленных, будет представлена к правительственной награде.

7 декабря

В период подготовки к партизанской войне мне не раз советовали не очень увлекаться завозом продуктов в лес. При этом приводили на первый взгляд довольно убедительный довод: по указанию областных организаций весь скот и овцы в предгорных и южнобережных колхозах и совхозах остаются на месте, и в случае нужды партизаны всегда смогут пополнить свои запасы. А я упрямо продолжал заниматься базами. Ведь никто не знал, да и не мог знать, сколько нам придется пробыть в лесу.

Как же теперь пригодились нам наши запасы! По самым скромным подсчетам, мы завезли в лес продуктов на год-полтора. Правда, часть из них раздали населению соседних деревень, а некоторые базы, заложенные в лесу, оказались расхищенными (больше всего пострадали базы Ичкинского и Сейтлерского отрядов). Из общих запасов снабжаются и вновь созданные отряды военнослужащих.

По данным на 1 декабря, в отрядах оставалось: 1270 ц муки, 25 ц пшеницы, 65 ц кукурузы, 15 ц ячменя, 330 ц картофеля, 170 ц овощей, 120 ц солонины, 85 ц сала, 69 ц брынзы, 102 ц круп, 64 ц бобовых, 58 ц масла, 87 ц сахара и меда, 15 ц сухофруктов, 66 ц соли.

Запасы немалые. Но и людей на довольствии свыше тысячи, да с каждым днем их становится больше. Поэтому надо не только экономить продовольствие, но и

выискивать возможности пополнить запасы за счет противника.

Разумное расходование продуктов во многом зависит от поваров. Вот, например, повар Карасубазарского отряда моряк Павел Черногор готовит так, что любая хозяйка позавидует его искусству: продуктов расходует меньше всех, а кормит людей лучше остальных.

Придется особо заняться поварами, надо научить их готовить экономно и вкусно.

8 декабря

Быстро облетела отряды радостная весть: пришел Георгий Павлович Гаркавенко — один из наших посланцев в Центральный штаб. Он видел Мокроусова, разговаривал с ним, принес почту и массу новостей.

Гаркавенко отправился в путь 17 ноября и через десять дней с немалыми трудностями добрался до горы Черной, где в то время находился штаб Мокроусова.

Из тринадцати наших посланных вернулся только один. Три недели потребовалось на то, чтобы установить связь с Центральным штабом. А, как известно, даже самая ценная директива или информация, полученная с таким опозданием, теряет свой смысл.

Из разговора с Гаркавенко выяснилось, что рация у Мокроусова не работает — нет питания. К тому же у нее очень мала мощность и радиус действия ограничен десятью километрами.

В письме Мокроусов сделал мне замечание: *Ваше распоряжение о пассивности не напоминает мне Генова, которого в годы гражданской войны я знал другим,* — написал он.

Очевидно, начальник Центрального штаба имел в виду мой приказ по району от 15 ноября 1941 года. Тогда я поставил перед отрядами ряд срочных заданий: как можно лучше устроить землянки, учесть продовольствие, установив нормы довольствия бойцов; скрытно наблюдать за поведением противника; особое внимание обратить на бдительность. Накануне было дано указание: *Боевые операции проводить вдали от места расположения отрядов.*

В тот момент появление такого приказа было обусловлено обстановкой. Отряды только еще создавались, люди находились под открытым небом, были плохо одеты и

обуты, не имели продовольствия. Предстояло научить партизан ориентироваться в лесу, бороться с противником малыми группами.

Теперь положение изменилось. Партизаны освоились с обстановкой, отряды очистились от случайных попутчиков и превратились в организованные боевые единицы.

Все это я передумал, читая письмо Мокроусова. Начальник Центрального штаба был прав в своих упреках. Но ведь его письмо опоздало ровно на три недели.

11 декабря

Возвратилась с задания группа лейтенанта Мамасуева. Партизаны устраивали засаду на дороге Симферополь — Феодосия. Но там, как на грех, из-за сильных морозов никакого движения. Противник выставил лишь посты на окраинах деревень со стороны леса. Трое суток на морозе терпеливо ждали наши ребята.

— А задание мы все же выполнили, — рассказал командир группы. — Промерзли, как черти. Сутки прошли — никого. Вторые кончились — та же картина. А мы все равно ждем. И дождались. Трех грузовиков у Гитлера как не бывало. Убито 18 солдат и офицер. У нас потерь нет. Только вот двое моих хлопцев сильно обморожены. Поместили их в санитарную землянку...

Новая забота у нас с командирами. Оно будто и мелочь, но в партизанском быту нет несущественных мелочей. А речь идет всего лишь о табаке. Измучились партизаны без курева: нервничают, кашляют, ворчат.

Сам я уже лет десять не курю, но хорошо знаю, что такое табак для солдата. Табак у нас заготовлен, он хранится вместе с продуктами, а вскрывать базу сейчас не время. Решили действовать иначе. Вездесущие Назаренко и Кузьменко пронюхали, что в деревне Айляма целый сарай набит табачными листьями. Но в самой деревне расположились фашисты. Подумали мы, посоветовались и разрешили нескольким партизанам под командой Яши Лившица «позаимствовать» табачку у оккупантов. Все получилось очень удачно, и теперь нашим курильщикам не хватает самой малости — бумаги. Народ у нас смекалый, выход найдут. И нашли... Я первый попался на удочку наших дымокуров — дал им ненадолго почитать «Анну Каренину». Вскоре мне с извинением вернули одни только плотные картонные корочки от переплета.

12 декабря

Как всегда, в безоблачные и тихие дни по утрам над лесом кружит фашистская «грама». Немецкий самолет-разведчик, словно коршун, высматривает партизан и, видимо, фотографирует следы на снегу, а потом разбрасывает над лесом листовки. К этому мы тоже уже привыкли.

На сей раз командующий 11-й немецкой армией в Крыму Манштейн обращался к жителям горного Крыма:

После разгрома советских войск в Крыму в горах и лесах еще держатся мелкие шайки партизан. Они состоят частью из разрозненных групп разбитой Красной Армии, не имеющих представления о действительном положении и безнадежности всякого дальнейшего сопротивления, частью из преступных элементов.

Властвование большевиков германскими войсками раз и навсегда ликвидируется... Весь Крым, включая Керченский полуостров и город Керчь, в наших руках, только под самым Севастополем идут еще последние бои, исход которых в нашу пользу не подлежит никакому сомнению. Каждый житель, знающий о местонахождении партизан в районе своего села, должен немедленно донести об этом германским властям, т. е. первому встречному офицеру или солдату. Тот, кто даст особенно ценные материалы по обнаружению и уничтожению вредительских партизанских шайк, получит надлежащее вознаграждение деньгами или материалами (съестными припасами, одеждой и т. п.), отнятыми у партизанских групп. За доставленное оружие будет выплачиваться: за винтовку — 50 рублей, за ручной пулемет — 100 рублей, за станковый пулемет — 150 рублей.

Ложь, провокации, подкуп — все пущено в ход, чтобы найти среди местных жителей предателя, который укажет бы фашистам место расположения отрядов. Жители соседних деревень прекрасно знают, где находятся партизаны, но до сих пор никто не привел гитлеровцев в лес.

В смысле логики господ фашисты тоже не очень сильны. Если в лесу находятся «мелкие» шайки партизан, то зачем командующему 11-й немецкой армией в Крыму Манштейну понадобилось создавать специальный штаб для борьбы с партизанами и снимать с фронта войска?

Беззащитно жмет Манштейн в своей листовке: весь Крым-де находится в его руках. Всем известно: леса и горы Крыма наводнены партизанами. Больше месяца бросают гитлеровцы против них не полицейские и карательные отряды, а крупные воинские части и — вот поди ж ты — не могут справиться с «мелкими» шайками, которые ежедневно наносят оккупантам все более ощутимые удары.

Мы не останемся в долгу, не будем молчать. Но у нас, к сожалению, нет ни печатного станка, ни бумаги. Будем пока писать листовки от руки на тетрадных листках. А в ближайшие дни постараемся раздобыть пишущую машинку.

14 декабря

Шоссейная дорога Симферополь — Феодосия во многих местах змейкой извивается среди гор, покрытых густым лесом. Такие участки особенно удобны для нападения на колонны вражеских войск. По этому принципу и облюбовали партизаны отрезок пути от деревни Бахчи-Эли до Старого Крыма. И не случайно в последние дни фашисты стали прибывать на телеграфных столбах вдоль дороги огромные листы фанеры с предупреждающей надписью на немецком языке: *Внимание! Партизаны! Приготовь оружие!*

Крымские леса и горы пересекают десятки дорог, общей протяженностью до 800 километров. Здесь есть где развернуться партизанам. На одной только дороге Симферополь — Ялта свыше двухсот поворотов. За каждым из них фашистов ждут днем и ночью партизанская пуля, граната, мина.

А противнику дороги нужны как воздух. По ним он перевозит своим войскам под Севастополь оружие, боепитание, снаряжение, обмундирование, продовольствие, резервы. Мы знаем об этом и принимаем свои меры.

Две недели назад по инициативе комсомольцев партизан Джанкойского отряда была создана специальная диверсионная группа из квалифицированных бойцов под командованием Александра Калыша. В нее вошли минаер, связист, шофер, автоматчик и отличные стрелки. С появлением на дорогах группы Калыша настроение

у оккупантов явно испортилось. А мы, убедившись в эффективности ее работы, решили распространить опыт джанкойцев.

16 декабря

Все члены штаба второго района постоянно находятся в отрядах. До сих пор не бывали лишь в зуйской группе. Сегодня отправились туда. Начать решили с Колайского отряда. Из штаба со мной пошли Ефим Попов, Николай Касьянов, Григорий Назаренко, Павел Кузьменко, Юрий Гаркавенко, Николай Чебышев и двое связанных Колайского отряда: Яша Кушнир и Абрам Бальшин, пришедшие к нам только вчера.

Миная дороги и тропинки, шли по колено в снегу. Осторожно обогнули вражеские заставы на перевале, на Нижнем Кокасане и на скале Чертов зуб.

Обычно по дорогам ходят от заставы до заставы патрули. Сегодня их не видно: не иначе поспрачались от холода. Это нам на руку. Осмелев, вышли к дороге Карасубазар — Ускут. Только собрались переходить, услышали голоса. Из-за поворота показалось около сорока мужчин и женщин. У каждого узелок или мешок, идут будто строем, по двое в ряд.

— Надо выяснить, куда люди собрались в такой холод, — сказал я Попову.

Комиссар согласился. Выставив на всякий случай дозорных, вышли на дорогу.

— Кто такие? — спросил Попов.

— Из Ускута, колхозники. В степных селах фрукты на хлеб меняли, — ответил за всех пожилой мужчина.

Разговорились. Оказывается, оккупанты запретили крестьянам ходить по дорогам в одиночку и мелкими группами. В деревне Ени-Сала создан сборный пункт для тех, кто направляется на юг, а в Ускуте — для тех, кто идет на север, в степные районы.

Колхозники дали ребятам курительной бумаги, а один, оказавшийся знакомым Григория Назаренко, подарил ему свой кисет с табаком, дал кресало и губку.

Мы тепло простились, подождали, пока колхозники скрылись, начали подниматься на высокую и крутую гору Гяур-Кая. Шли густым лесом по очень узкой, извилистой тропке, которая привела нас к обрывистой скале. Отсюда колайцы меньше всего ждали появления посто-

ронных. Мы спустились с горы, обогнули выставленные посты и никем не замеченные вошли в лагерь отряда. С радостью встретили нас партизаны. Но командование отряда растерялось, не знало, куда глаза девать.

После небольшого отдыха обошли заставы, посты, землянки, побывали у больных. Показали нам и конюшню — оказалась целая конеферма на двадцать шесть лошадей. Командир отряда Губарев считает коней резервным продовольственным фондом.

Надо отдать должное колайцам: они сумели сохранить большинство продовольственных баз и питаются хорошо. В других отрядах, да и у нас в штабе района, все еще не организована выпечка хлеба, здесь же едят вкусный белый хлеб.

В санитарной землянке оказалось шестнадцать больных, раненых и обмороженных. Медсестры комсомолки Вера Широ и Е. Л. Моргозынская прекрасно организовали уход.

Беседовали с личным составом. В отряде много военнопослужащих. Очень хорошее впечатление произвели на нас командир группы моряк Антон Гавриленко, политрук Георгий Каменский, пограничник Владимир Опекунов и бывший бригадир колхоза «Октябрь» Владимир Ляшко.

Вечером провели совещание, на котором кроме командного состава присутствовали командиры диверсионных и разведывательных групп, политруки, секретари партийной и комсомольской организаций. Выяснилось: в отряде плохо поставлена разведка.

Бросалась в глаза и несогласованность в работе между командиром отряда Губаревым и комиссаром Штепой. Долго беседовали с каждым из них. В разладе отношений явно виноват Степан Иванович Штепа. Ничего вразумительного в свое оправдание он не сказал. Решили еще раз побеседовать с комиссаром после возвращения из Сейтлерского отряда, куда направляемся завтра утром. А пока предложили командиру и комиссару усилить разведку, передислоцировать заставы и пункты наблюдения, прощупать вражеский гарнизон в деревне Молбай.

До сих пор на связь между отрядами и штабом района и мы и Центральный штаб посылали различных людей. Связные каждый раз должны были изучать маршруты движения и зачастую теряли ориентировку, так как большинство плохо знали местность.

Теперь решено установить эстафетную связь: каждый участок будут обслуживать одни и те же люди.

Связными отряда со штабом района Губарев оставил Кушнира и Бальшина, а на связь с Сейтлерским отрядом выделил бывшего агронома карасубазарской МТС коммуниста Александра Харитоновича Скибиду и комсомольца Абрама Дегтяря. Все они отлично проявили себя в боях, что весьма и весьма важно. Ведь связной — доверенное лицо командира.

18 декабря

Целый день накануне добирались до лагеря Сейтлерского отряда. Вечером знакомились с партизанами, а сегодня утром собрали командный состав.

Выступавшие поделились результатами нескольких успешно проведенных операций и все до одного подчеркнули, что на сегодняшний день ситуация в районе дороги из Алушты в Судак по берегу Черного моря очень усложнилась: в ближайших деревнях разместились специальный отряд оккупантов, охраняющий дорогу.

Последним выступил капитан Юрьев.

— Не со всем, что здесь говорилось, можно согласиться, — сказал он. — У нас еще много недостатков.

Командир и комиссар переглянулись.

— По-моему, — продолжал Юрьев, — расположение отряда не отвечает необходимым требованиям. Землянки построены скученно и бессистемно; все еще слаба дисциплина. Не организованы занятия с бойцами, хотя многие не знают автоматического оружия. Командный состав редко посещает землянки, где живут бойцы, мало беседует с ними. Быт и жизнь отряда не регламентированы. Плохо организована охрана: посты расположены слишком близко к лагерю и не на всех направлениях. Партизаны жалуются, что мало патронов, а патроны валяются в землянках и вокруг них. Не все регулярно чистят оружие...

То, о чем с тревогой говорил капитан Юрьев, соответствовало действительности, и мы указали на это командованию отряда.

Перед уходом нас познакомили с партизаном поэтом Виталием Федоровичем Поляковым.

— Стихи пишет. Партизаны их любят, — шепнул мне сидевший рядом комиссар отряда Пузакин.

— Может, почитаете? — попросил я Виталия Федоровича.

Он смущенно расстегнул полевую сумку, достал потрепанную тетрадь и начал читать. Стихотворение называлось «К товарищу». Я переписал его:

В горячих схватках, в грохоте сражений
Ты защищаешь край любимый свой.
Шагай смелей, не зная поражений,
Иди вперед, товарищ боевой!
Победа или смерть!.. Не тропкой торной —
По партизанской ты идешь тропе.
Смелей вперед, дерись в бою упорно
И знай: победа ждет тебя в борьбе.

Завтра снова в путь — в Биюкский отряд.

19 декабря

Лагерь Биюкского отряда находится на горе Подкова, имеющей для нас большое значение. Гора покрыта густым лесом. С трех сторон ее омывают речки Суат и Бурульча. С востока, юга и запада идет крутой подъем. Скалы здесь местами труднопроходимы. Чтобы окружить высоту, врагу потребуется не менее трех полков пехоты.

Здесь у нас и созрела мысль: расположить на высоте Сейтлерский, Биюкский и Зуйский отряды. Организовав надежную оборону, они смогут освободить значительную часть партизан для боевых операций. Пока же каждый отряд имеет свой лагерь и каждый обеспечивает свою круговую оборону. На это требуется столько людей, что иногда некого посылать на задания. Лагеря находятся в нескольких километрах один от другого, и в случае нападения противника сосед соседу не в состоянии быстро оказать помощь.

В ближайшие дни обсудим наше предложение с представителями трех отрядов.

Биюкчане хорошо воюют с фашистами. Группа партизан под командой Ивана Александровича Голикова очень успешно провела налет на вражеский гарнизон в деревне Ангара. Разгромлен штаб, уничтожено 45 солдат и офицеров, взято в плен 8 гитлеровцев, захвачено 15 автоматов.

Политрук Петр Лахтиков с несколькими бойцами совершил налет на деревню Кипчак и отобрал у враже-

ских саперов строительные инструменты. Командир группы Корягин угнал буквально из-под носа оккупантов около ста голов скота.

Тепло попрощавшись с дружной семьей биюкских партизан, мы двинулись дальше.

20 декабря

Рассвет застал нас на пути в Яманташский лес, где находятся основные силы Зуйского отряда. Вместе с нами шел начпрод зуян Николай Ефимович Воронцов — бывший председатель колхоза, опытный и боевой товарищ. Более месяца занимался он закладкой баз и потому неплохо ориентируется в лесу.

По глубокому снегу поднялись на возвышенность Орта-Сырт. Перед нами открылась прекрасная панорама: хорошо видна голая красавица Тирке, рядом с ней подобный богатую, покрытый зеленым лесом хребет Кара-Тзу, у подножия которого, распластавшись на 15 километров, раскинулась открытая всем ветрам грозная Караби-айла.

Вот и лагерь Зуйского отряда. Спустились по очень узкой лестнице в штабную землянку. Таких неудобных землянок никому из нас еще не приходилось видеть.

Командир отряда Литвиненко доложил о проведенных операциях.

Неожиданно наверху раздался выстрел, потом другой, третий. Зататакали пулеметы. Мы выскочили из землянки. У самого порога лежал убитый партизан.

Бой разгорался. Оккупанты подобрались к лагерю со стороны Долгоруковской айлы. Перестрелка продолжалась около двух часов. У нас убиты двое. Тяжело ранена медсестра комсомолка Ава Мослюмова. Потери противника точно установить не удалось, но мы видели: гитлеровцы вытащили с поля боя около двух десятков не то раненых, не то убитых.

Сегодняшний случай заставлял о многом задуматься. Противник явно проводил разведку боем и обязательно вернется к лагерю с большими силами. Не ожидая этого, надо срочно уходить на новое место. Стычка с врагом показала и другое: в отряде нет плана обороны, нет надежной связи между группами и штабом, а без этого невозможно управлять боем.

До войны я много раз любовался восходом солнца на Ай-Петри. Тогда мне казалось, что не бывает более прекрасного зрелища. Но когда я сегодня рано утром, осмотрев лагерь, взобрался на высоту Доз, то увидел нечто сказочное. Солнце медленно выплывало из-за высоких заснеженных гор. Потом над горным плато Караби-яйлы блистали первые лучи. Еще минута — и на деревьях брильянтами засверкал снег.

Очарованный видом безбрежной Караби-яйлы, лесом и красотой Крымских гор, я не заметил, как подошли два партизана. Они только что сменились с поста и возвращались в лагерь.

В отряде хорошо делают, что берегут людей и в мороз через каждый час меняют посты.

В штабной землянке нас ждал вкусный завтрак.

— Это наша Анна Никитична решила блеснуть кулинарным искусством, — улыбаясь сказал комиссар отряда Луговой. — Она ведь на все руки мастерица.

Анну Никитичну Якимович я знал еще до войны как прекрасного педагога, общественницу, депутата КрымЦИКа. Когда немецко-фашистские орды ворвались в Крым, она не раздумывая стала партизанкой и сразу нашла свое место в строю...

К вечеру мы с Поповым и Касьяновым добрались до основной базы Зуйского отряда в районе горы Тирке. Здесь находились Биюкский и Сейтлерский отряды. Положение у них сложилось сложное.

Чтобы разобраться в обстановке, я вызвал Н. П. Ларина и М. И. Пузакина, выслушал их обстоятельные доклады. Только после этого мне и моим спутникам стала полностью ясна ситуация. А ситуация здесь сложилась не из легких.

В последние дни Биюкский отряд вел непрерывную разведку. Выяснилось, что противник усиленно охраняет Алуштинское шоссе, что населенные пункты на склонах гор сплошь заняты оккупантами, что на Алуштинском перевале и на высотах выставлены заставы в сторону Ангары.

Разведчики Н. П. Ларина установили: готовится крупная операция против партизан, и даже сообщили ориен-

тировочные сроки выступления противника и примерное направление его удара.

Партизаны были приведены в полную боевую готовность.

Утром из охранения поступил сигнал: в направлении Биюкского отряда движется взвод солдат. Через несколько минут новое сообщение: вслед за взводом показалась большая колонна. Третий посыльный уточнил: фашисты изменили маршрут и направились в сторону горы Демерджи, то есть южнее лагеря биюкчан.

Когда колонна проходила по открытому месту, партизаны насчитали в ее составе около 900 человек и более 200 вьючных лошадей. Биюкчане же могли выставить против неприятеля 70—80 бойцов.

Предупредив обо всем сейтлерцев, биюкчане организовали круговую оборону. Партизанам было приказано соблюдать величайшую осторожность. Командование отряда абсолютно правильно рассудило, что главное в такой обстановке — ничем не обнаружить себя и первыми нанести внезапный удар.

Часам к четырем дня колонна вышла в тыл биюкчанам и расположилась на высоте не более чем в двух километрах от их лагеря.

Из доклада комиссара М. И. Пузакина было ясно, что сейтлерцы в этот день тоже зря не теряли времени. Как только их разведка обнаружила приближавшуюся колонну оккупантов, командование правильно решило в бой не вступать, а скрытно отвести отряд на базу биюкчан.

Итак, мы с Поповым и Касьяновым вовремя оказались у горы Тирке. Биюкчане и сейтлерцы по сути дела находились в полуокружении. Рассчитывать они могли только на собственные силы: ближайший сосед — Зуйский отряд был скован действиями гитлеровцев. И мы втроем решили задержаться в этом районе.

Партизан отделяло от противника только глубокое ущелье. Еще раз проанализировав обстановку, мы решили базу Биюкского отряда не покидать, а организовать оборону на месте силами двух отрядов. Глубокий снег, деревья, кусты, крутые склоны горы — все это благоприятствовало оборонительному бою.

Николаю Петровичу Ларину поручили продолжать разведку противника. Одновременно стали готовить партизан к организации засад и проведению ночных вылазок.

Трудную ночь провели блокчане и сейтлерцы. Мороз достигал 15 градусов, а в лагере ни огонька, ни шороха, он будто вымер, хотя ни на минуту не прекращалась подготовка к предстоящему бою.

На рассвете четырнадцать лучших разведчиков во главе с майором Н. Лариным покинули лагерь. В группу Ларина вошли М. Пузакин, Г. Коган, А. Терещенко, А. Куськов, Г. Костюк, М. Куденко, В. Зарубин, А. Шведов, А. Корякин, И. Харин, А. Ваднев, Б. Вовк, М. Ляг, М. Дудченко. От этих людей зависело теперь многое, и все хорошо понимали это.

Несколько часов все было тихо. И только где-то ближе к полудню напряженную тишину разорвали пулеметные и автоматные очереди, винтовочные выстрелы, взрывы гранат. Бой шел неподалеку, но эхо в горах не позволяло определить место, откуда неслись звуки. Потом снова все стихло. А вскоре в лагерь примчался Ларин с двумя разведчиками. Все трое были очень возбуждены — видно, не успели остынуть после стычки с врагом. Ларин доложил, что обнаружил колонну противника в 400—450 человек у самого перехода через речку Суат. Быстро устроил засаду. Потери у оккупантов значительны. После боя вывел группу на высоту и расположил людей в засаде.

— Отряды держите в обороне, — попросил меня Ларин перед уходом. — Я к своим. О выполнении задания доложу позднее.

Через несколько часов все четырнадцать разведчиков вернулись в лагерь. Опасность, нависшая над отрядами, была ликвидирована. Настроение поднялось. Запылали костры. Тут мы все и услышали подробности дерзкой и удачной вылазки группы майора Ларина.

— Все сложилось сегодня благоприятно для разведчиков, — неторопливо начал Николай Петрович. — И даже природа, да-да, не удивляйтесь, помогла нам выполнить задуманное. Разве могли бы мы подобраться к противнику незамеченными, не будь накануне пятнадцатиградусный мороз и не появившись на деревьях, на кустарнике толстенный слой инея? То-то и оно! Ну вот. Первое, что взяли на заметку, была минометная батарея фашистов. Засекли мы, что к чему, и поднимаемся дальше на высо-

ту, к месту ночевки гитлеровцев. А место это примерно нам было известно. Шли, куда надо, только застали там одни тлеющие костры. Где немцы? По всему видно, были тут совсем недавно. Осмотрелись мы, да по следам и двинулись за голубчиками. Вывели нас следы к речке Суат. А за рекой, мы слышали, у них база. Идти дальше не было смысла. Здесь на берегу и решили дожидаться: рано ли, поздно — вернутся обратно, не могут не вернуться, ведь у них свое на уме — до партизан добраться. Да и место подходящее для наших планов подвернулось, лучшего естественного рубежа не придумаешь. В сторону неприятеля отвесная стена высотой метров в десять. В тыл — крутой спуск. Поблизости впадина, по ней в случае чего можно подняться на гору.

Тут и расположились у обрыва, замаскировались за деревьями да кустами. И опять повезло — долго ждать не пришлось. На противоположном высоком берегу из тумана выползла голова колонны.

Ну хорошо, наш расчет был верным, все шло как по-писаному. Однако что делать дальше? Нас пятнадцать человек, у противника — около девятисот. Силы неравные, как не прикидывай. А время не терпит, надо тут же решать, что делать.

Перебрал мысленно несколько вариантов, и решение пришло само собой. Бой дадим здесь. Немедленно. Нельзя допустить, чтобы фашисты первыми начали наступление.

Поставил группе задачу. Дал команду приготовиться. Предупредил, что огонь будем открывать только по моему сигналу.

Первым к узкому мостику через речку подошло боевое охранение из шести человек с пулеметом. Голова колонны замерла на берегу, а из тумана, как в сказке, появлялись все новые подразделения. Колонна постепенно теряла форму. Перед нами была плотная толпа гитлеровцев.

Когда охранение очутилось от нас в десяти — пятнадцати метрах, на мостик вступили первые солдаты из колонны. Я выстрелил. И в тот же миг разведчики обрушились на врага всю силу нашего огня. В первые секунды гитлеровцы стояли как замороженные: не могли понять, откуда стреляют. Потом повели беспорядочный огонь по вершине высоты, а наша группа укрывалась всего в десяти метрах от колонны! Не повредил нам и огонь

минометов — мины рвались в двух километрах от нас, а несколько штук угодило прямо на берег, в гуцу оккупантов.

Колонна рассыпалась. Но на открытой местности солдатам нигде было укрыться. В поисках спасения многие бросались в ледяную воду, чтобы спрятаться за валунами.

Мы выполнили задачу. Дальше оставаться на месте было опасно. Оторвавшись от оккупантов, мы поднялись на гору и снова расположились в засаде, теперь уже на пути к отряду.

Гитлеровцы потеряли более ста человек и, видимо, отказались продолжать операцию. Не зря, я думаю, стали снимать с огневых позиций минометную батарею. Да и солдат спешно отвели от реки. Так-то...

Ларин смущенно умолк, а я долго находился под впечатлением услышанного. Да, сделано было все блестяще. Риск или счастливая случайность помогли этому? Ни то, ни другое. Успех к разведчикам пришел потому, что был продуман каждый их шаг. Командир сумел не только нацелить людей на выполнение задачи, но и толково, со знанием дела использовал сумму благоприятно сложившихся обстоятельств.

Вот и подтвердилась еще раз старая мудрая истина: в нашем партизанском деле можно и малыми силами наносить серьезные потери противнику...

Поздно вечером я зашел в санитарную землянку Сейтлерского отряда, которую им по-братски отвели биюкчане. Познакомился с молодым врачом Ниной Петровной Кострубей.

— Чем лечите людей?

Нина Петровна грустно улыбнулась:

— В основном добрым словом и заботливым уходом. В моей санитарной сумке не найдешь даже бинтов... К счастью, у нас нет инфекционных заболеваний.

— А как с обмороженными?

— С ними сложнее. Но и тут нашли выход. На днях в отряде зарезали лошадь. Я достала немного жира. Помагает...

23 декабря

Вместе с Поповым и Касьяновым провели совещание командного состава отрядов Зуйской группы.

Судя по данным разведки и докладом командиров от-

рядов, обстановка к сегодняшнему утру сложилась таким образом. Противник занял почти все основные населенные пункты вокруг леса: Арталац, Бахчи-Эли, Молбай, Баксан, Аргин, Фриденталь, Койнаут, Петрово, Барабановку, Кизил-Кобу, Чавке, Ени-Салу, Ангари, Улу-Узень, Демерджи, Ускут. Сосредоточение вражеских войск в других деревнях и даже на хуторах продолжается.

Для охраны коммуникаций на территории нашего района оккупанты выделили дивизию. Штаб ее находится в совхозе «Марьяно». В Карасубазаре, Зуе и Ангаре размещены вражеские гарнизоны. Численность каждого — до батальона.

Дороги Симферополь — Феодосия, Симферополь — Алушта, Алушта — Судак, Карасубазар — Ускут усиленно охраняются. На участках, где дороги проходят через лес или вблизи него, стоят заставы почти на каждом километре. На мостах установлены посты. Кроме того, по дорогам непрерывно патрулируют танкетки и бронетранспортеры. Таким образом, все партизанские отряды находятся в плотном вражеском кольце.

Вспомнились беседы с Алексеем Васильевичем Мокросовым в первые недели войны о тактике борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Мы оба тогда считали, что враг, как правило, будет находиться в городах. А в деревнях хозяйничать станут партизаны. И оба ошиблись. На деле все сложилось иначе.

И все же оккупанты чувствуют себя беспокойно. Нам удалось сковать их дивизию...

После совещания штаб района подписал приказ № 18. Сейтлерскому отряду предписывалось иметь основной задачей прикрытие дорог, идущих на Караби-ййлу, и шоссейной дороги Баксан — Александровка. Ему же поручалось держать под контролем Феодосийское шоссе на участке Бурульча — Каракуш; Зуйскому отряду — прикрывать дороги, ведущие в лес из населенных пунктов Баксан и Фриденталь, а также осуществлять неусыпное наблюдение за дорогой Симферополь — Феодосия от Зуйских дубков до Бурульчи включительно. Биюкскому отряду предлагалось установить постоянный контроль за дорогами, идущими из Петрово, Барабановки, Маанки и Ангари по Долгоруковской ййле.

Основная боевая задача всех отрядов — громить врага, его живую силу и технику, сделать невозможным свобод-

ное передвижение по дорогам, лишит покоя гарнизоны в населенных пунктах.

Приказ напоминал бойцам о необходимости широкого использования важнейшего элемента партизанской тактики — фактора внезапности. Действовать рекомендовалось в зависимости от обстановки: либо мелкими группами (до десяти человек), либо целыми отрядами, а иногда объединенными силами всех трех отрядов. В последнем случае общее руководство возлагалось на командира того отряда, в районе деятельности которого проводится боевая операция.

24 декабря

В штабной землянке Бюкского отряда шло партийное собрание, когда связной Михаил Рогов передал мне записку комиссара Сейтлерского отряда Михаила Ивановича Пузакина.

Иван Гаврилович! — писал комиссар. — *Только что к нам пришли двое партизан из Колайского отряда. Они рассказали, что вчера днем фашисты внезапно напали на их лагерь. Весь отряд разгромлен, и только им двоим удалось спастись. Что нам делать?*

Через час мы уже были у сейтлерцев. Ковтун и Александров куда-то исчезли.

Решили немедленно идти в Колайский отряд и узнать все на месте. Об отдыхе нечего было и думать. В это время к нам подошли связные Центрального штаба во главе с Михаилом Михеенко* и передали почту от Мокроусова. Но читать не было времени, пора трогаться в путь.

— Нельзя ли перевести поход на завтра? — шепотом спросил у меня Григорий Назаренко.

— Это еще почему?

— Будет завируха...

— Что, что такое?

— Ну, пурга, бешеная метель.

Я не поверил в предсказание Назаренко, хотя не раз слышал, что лесники, как и чабаны, умеют определять приближение непогоды. И зря не поверил. В 10.00 мы

* Подробно о М. Михеенко будет рассказано дальше. — *Прим. ред.*

двинулись на восток, через Караби-яйлу. Перешли речку Суат, начали подъем. Вместе со связными Центрального штаба нас 16 человек. Движемся цепочкой. Впереди Назаренко, позади Александр Скибида. В пути они сменяют друг друга. Пока головной по глубокому снегу прокладывает путь остальным, замыкающий отдыхает, шагая по протоптанному следу. Григорий время от времени поглядывает в мою сторону и неодобрительно качает головой. Чувствую, он хочет сказать: «Вернемся, пока не поздно», но делаю вид, будто ничего не замечаю.

С большим трудом поднялись на гребень высоты. Погода менялась буквально на глазах. С утра сыпал небольшой снежок и было сравнительно тихо. Когда взойшли на высоту, с юга подул влажный морской ветер. Не успели ступить на Караби-яйлу, ветер резко изменил направление и подул нам в лицо. Сила ветра все время нарастала, и вскоре над нами забушевала снежная буря.

Двигаться все труднее: глубокий снег, бесчисленные воронки, камни, скалы. На их обход идет много времени и сил. Ветер лютует, холод крепчает. Одежда на всех обледенела. Люди выбились из сил. Кое-кого пришлось тащить чуть ли не на себе.

— Если к вечеру не пересечем яйлу и не доберемся до леса, то ночью всем крышка, — сказал ни к кому не обращаясь шедший впереди меня Егоров.

Я выразительно погрозил кулаком. Иван Яковлевич умолк, нагнул голову и зашагал дальше.

Около двух часов дня над Караби поднялся настоящий ураган. Все закрыла снежная мгла.

— А не сбились ли мы с пути? — спросил Николай Касьянов нашего проводника Скибиду.

Касьянов сказал то, о чем думали многие. Все невольно остановились. Начались споры. К счастью, невдалеке я увидел огромный камень и узнал этот ориентир. Я убедился, что идем мы правильно, и стал доказывать это товарищам. Меня поддержал комиссар. Двинулись дальше. А примерно через час Назаренко громко закричал:

— Лес, лес!

Последние двести — триста метров мы уже не шли, а ползли по ледяному полю. Вот и лес. Пройдена грозная Караби.

В лесу все почувствовали себя как дома. Выпили по глотку спирта. Касьянов, как всегда, пустил в ход шутку.

— Вот, братцы, когда я по-настоящему узнал, что такое солнечный Крым. Кончится война, поступлю на работу в туристско-экскурсионное бюро, буду водить туристов по горам и особенно на Караби, буду рассказывать, какой это райский уголок...

Ребята спросили, откуда я знаю эти места.

— Дело давнее. До революции три года здесь чабаном был. А в гражданскую войну партизанил.

— Ну, тогда ясно, — резюмировал Егоров.

Передохнув, зашагали снова и вскоре добрались до колайцев. Сразу после ужина улеглись спать. Сегодня не до расследований.

25 декабря

Прав оказался Назаренко: буря бушевала целые сутки. К утру циклон прошел. Сейчас кругом тихо, ярко светит солнце.

Что же произошло в Колайском отряде, пока мы были на Ямаи-Таше?

23 декабря в шесть часов утра в лагере услышали несколько выстрелов и разрывы гранат в районе второй заставы. Вскоре все стихло. В штабе выстрелам не придали значения, а через час противник с трех сторон напал на лагерь. Вражеских солдат заметили тогда, когда они оказались возле землянок.

В первые минуты началась паника. Но командир отряда быстро организовал оборону. Бой длился около трех часов. Противнику временно удалось захватить несколько землянок в нижней части лагеря. Партизаны дрались мужественно. Они отстояли свои базы, лагерь, санитарную землянку, сами перешли в наступление и выбили оккупантов из леса.

Особую храбрость проявили моряки Антон Гавриленко и Георгий Каменский, пограничники Анатолий Семенов, Александр Минаков и Игнат Пискунов, пулеметчики Буравцов и Лев Галкин и секретарь комсомольской организации отряда Арманд Касьян. Мужественно сражался и героически погиб комсомолец Александр Васильев.

Все закончилось более или менее благополучно для отряда. А два паникера, прибежавшие к сейтлерцам, просто струсили, бросили товарищей в трудную минуту.

После десятидневного пребывания в Колайском, Сейтлерском, Бююкском и Зуйском отрядах мы снова у себя дома, в штабе района на горе Средней.

Страшная история произошла за время нашего отсутствия в предгорной деревушке Айляма, Карасубазарского района.

Озлобленные неудачами оккупанты обрушили всю ненависть на ни в чем не повинных мирных граждан. Люто свирепствовали они в Симферополе, Ялте, Феодосии, Карасубазаре и других городах Крыма, а затем добрались до маленькой Айлямы. Сюда нагрянуло 250 гитлеровцев. Командовал ими майор Вейц. Оценив деревню, солдаты схватили 18 женщин и детей, загнали их в речку Малая Карасевка, продержали около часа в ледяной воде на трескучем морозе, а затем расстреляли.

Когда партизаны пришли в Айляму, бандиты уже скрылись. Среди убитых женщин и детей оказалась тяжело раненная жена председателя Чермалыкского сельсовета Дарья Постронко с четырехмесячной мертвой дочуркой на руках. Раненую поместили в санитарную землянку Джанкойского отряда. Состояние женщины очень тяжелое.

Сегодня же был у нас митинг по поводу нового злодеяния фашистских убийц. После митинга мы с комиссаром написали письмо о событиях в Айляме и разослали его в отряды. Письмо рассказывало о трагической гибели жителей деревни и призывало к активным боевым действиям против заклятых врагов советского народа. Закачивалось оно словами: *Подымайте партизан и партизанок против бешеных гитлеровских собак и их пособников. Уничтожайте фашистскую сволочь. Примите все меры к защите мирных советских граждан от расправы фашистских извергов.*

27 декабря

Все активнее действуют партизаны на коммуникациях противника. За последние дни наиболее удачной оказалась операция группы бююкчан под командой Давида Абрамовича Абрамова на шоссе на дороге Симферополь — Алушта в районе Таушан-Базара.

Неплохо «потрудились» на феодосийской дороге и группа Ивана Даниловича Сагана.

Говорят, у артиллеристов существует правило: не вижу — не стреляю. Но вражеские артиллеристы действуют по-другому. В ответ на нашу очередную диверсию они почти весь день обстреливали горы и лес из пушек и минометов. Потерь у нас нет.

Вчера был в Джанкойском отряде. Случайно попал на беседу, которую проводил комиссар Петр Николаевич Клеветов. Очень понравилась мне беседа. Комиссар не ораторствовал, не митинговал, а говорил просто и душевно.

— Слышал я не раз, — начал Клеветов, — тревожные разговоры среди партизан. «Далеко, мол, забралась в нашу страну фашистские войска, выдюжим ли?» Давайте вместе разберемся — правы или нет те, кто так рассуждает. Никто не собирается скрывать: мы действительно потеряли значительную часть территории. Положение трудное. Таковы факты. Но поводов для уныния, малодушия нет. Сегодня потеряли, завтра вернем обратно. В истории нашей Родины бывало, что враги временно захватывали наши земли. А что потом получалось? Выгнали их, как собак. Так было в 1812 году. Так было в период гражданской войны. Так будет и теперь. Гитлеровцы найдут могилу на советской земле. Чтобы приблизить этот час, немало можем сделать и мы с вами, друзья. И я уверен, сделаем. Враг будет разгромлен!

Каждое слово Петра Николаевича западало в душу. Слушая его, я подумал: какое великое дело — обладать даром сердечного общения с людьми.

28 декабря

Пришел связной из Симферополя от нашего друга, разведчика Федора Павловича Манова. Связной принес сообщение о массовых казнях мирных граждан и советских военнопленных, длившихся целую неделю. Местом своих кровавых оргий фашистские бандиты избрали противотанковые рвы в районе деревни Курцы, на феодосийской дороге возле «Живсовхоза» и на территории совхоза «Красный».

Аресты продолжают. Жизнь в городе замерла: нет света, не ходят трамваи, закрыты магазины.

В городах и районах действует сельскохозяйственная

организация ВИКО, обеспечивающая немецкую армию продовольствием и вывозящая «излишки» в Германию. Мирное население голодает.

Поговорив со связным, мы с комиссаром отправились в санитарную землянку на горе Скирда, куда недавно поместили восемь обмороженных партизан из Ичкинского отряда.

Трудно приходится нашим ребятам. Судья из Джанкой Ветвицкий лишился пальцев на обеих руках. Такая же непоправимая беда постигла двух студентов: скрипача Бориса Шарова и пианиста Евгения Ступача. Москвич Володя Кочетков остался без пальцев на ногах, моряку с крейсера «Красный Кавказ» Николаю Синельникову пришлось ампутировать пальцы на руках и ногах.

Медицинская сестра, в прошлом учительница, Меланья Васильевна Тарлакова и военфельдшер Кирилл Григорьевич Найденко заботливо ухаживают за больными. Но чтобы победить недуг, этого мало. Срочно нужны медикаменты. Попытаемся любой ценой добыть их у оккупантов. Не помогут деньги — возьмем силой.

29 декабря

10 000 рублей за голову Мокроусова! Под таким заголовком несколько дней назад выпустили оккупанты очередную листовку.

Накануне на заставе Джанкойского отряда был задержан некий П. А. Соболев. На допросе он сознался, что действует по заданию гестапо. Предатель был расстрелян.

Это случилось утром. А под вечер джанкойцы привели в штабную землянку парня лет двадцати пяти. На нем были хорошие кожаные сапоги, ватные брюки и теплая фуфайка, под ней гимнастерка без знаков различия, на голове армейская шапка-ушанка. Задержанный категорически отказался отвечать на вопросы.

— Долго будешь играть в молчанку? — не выдержал я.

— С врагами и предателями мне говорить не о чем!

— Перед тобой партизаны.

— На лбу у вас не написано.

Пришлось показать партийный билет. Только после этого незнакомец снял шапку, подпорол подкладку и

предъявил воинское удостоверение. Перед нами был старший радист штаба фронта сержант Михаил Андреевич Захарчук. 16 декабря вместе с другим радистом, Василием Ивановичем Добрышкиным, они приземлились на парашюте в лесу в районе Артаман, Кокташ.

Штаб фронта поручил разведчикам наблюдать за передвижением противника по дорогам. Две недели Захарчук и Добрышкин находились в лесу. Много раз слышали перестрелку, но боялись обнаружить себя. Четыре дня назад радисты съели последнюю плитку шоколада. Решили достать продуктов. На розыски ушел Добрышкин и пропал. Он унес с собой батареи. Рацию Захарчук спрятал. Все эти дни он бродил по лесу, не зная, куда деться.

— Мы не одни такие, — сказал в заключение сержант. — Несколько пар радистов были посланы перед нами. Готовились и другие.

Сегодня ночью уходят две группы партизан — одна за рацией, другая — на поиски Добрышкина. Только бы удалось установить связь со штабом фронта. Сколько ценных данных о противнике мы сможем сообщить командованию.

30 декабря

Иван Гаврилович! Очень прошу Вас прийти к нам и вместе с нами разделить нашу радость.

Получив такую записку от командира Джанкойского отряда Ивана Павловича Рюмшина, мы с Поповым немедленно отправились в путь.

У джанкойцев действительно большая радость: группа Василия Филипповича Шашлыкова добилась крупного успеха. Устроив засаду на Феодосийском шоссе, партизаны уничтожили три немецких автомашины, в которых находились офицеры. На месте «встречи» остались 64 труп.

— Здорово помогли нам в этом деле партизаны лейтенанта Георгия Красовского из отряда № 15. Они дрались как черти, — восхищенно говорил Шашлыков. — Но и на своих людей я не в обиде. Настоящими героями оказались пулеметчики Яков Осипович Белоусов и Иван Павлович Гостев, партизаны Костя Кириллов, Ваня Построенко, Андрей Колтунов, Александр Лещенко, Александр Калныш, Вася Мелещенко, Ваня Хавриенко и Николай Мищенко.

Все бы хорошо, да только вот погиб у нас Михаил Ильич Сафронов. Хороший был человек и смелый партизан... Одного не пойму: почему в машинах были одни офицеры и куда они мчались?..

До войны Василий Филиппович Шашлыков был рабочим в совхозе. Ему уже под сорок, но он здоров, подвижен и удивительно энергичен. Личной храбростью и умелым командованием заслужил большой авторитет. Успел за это время провести несколько очень удачных боевых вылазок.

Как жаль, что отсутствие связи не позволяет представить к награждению отличившихся...

31 декабря

С Иваном Павловичем Рюмшиным, бывшим работником Джанкойского райисполкома, я познакомился в середине сентября в Карасубазаре: он руководил закладкой баз для отряда. Мы много ездили и ходили по лесу и уже тогда подружились.

Рюмшин — человек мужественный и выдержанный. Только вчера я узнал о его большом горе. Иван Павлович не успел эвакуировать семью и перевез ее в деревню Сартану. Месяц назад гестаповцы арестовали его жену, но вскоре выпустили и установили за ней наблюдение. Явно ждут, что Рюмшин попытается проведать семью. А если он не появится, поступят так, как с семьями Назаренко и Кузьменко.

Долго беседовали мы с Иваном Павловичем. А в конце он, как я и ожидал, попросил разрешения пойти в Сартану, чтобы выручить жену и детей. Я категорически запротестовал: ведь гестаповцы только этого ждали. Но сидеть сложа руки мы тоже не могли.

— Вам нельзя появляться в деревне. А семью надо спасать. Думаю, в отряде найдутся добровольцы, выручат своего командира...

— Конечно найдутся! Только поручите, — ожил Рюмшин.

Пойти в Сартану вызвались два партизана — Чернов и Жучков. Я дождался возвращения смельчаков.

Трудно передать, с какой радостью встретили все партизаны семью своего командира. Когда дети бросились обнимать отца, многие прослезились...

Зная, что фашисты усиленно готовятся к встрече Нового года, мы провели несколько удачных налетов на их обозы и заметно пополнили свои продовольственные запасы: партизанам ведь тоже надо отметить Новый год.

В отрядах царит оживление. Но нам с комиссаром не до праздника. Вот уже месяц, как мы пытаемся связаться с командиром первого района Сацюком, чтобы согласовать совместные действия против врага на шоссе Симферополь — Феодосия. Сацюк молчит, и мы с Поповым решили завтра отправиться к нему сами.

Поздно вечером возвратились группа Ващенко и Михаил Захарчук. Они принесли радию, но Добрышкина так и не разыскали.

1 января 1942 г.

— С Новым годом, товарищи! — прокричал дежурный по штабу Павел Кузьменко. — Утро наступило, вставайте!

В землянку вошел Григорий Назаренко. Потирая руки, сказал:

— Морозец что надо!

В путь отправились затемно. Впереди, как всегда, Назаренко, за ним я, потом Попов, дальше Касьянов и замыкающим — Кузьменко. От горы Средней до горы Сугут-Оба, где находится штаб первого района, по прямой около двадцати километров. Но нам пришлось кружить. До цели добрались только вечером.

Судакчане встретили нас радостной вестью: в Керчи и Феодосии высадились десанты Красной Армии.

На совещание собрались командир первого района Сацюк, комиссар Великов, начальник штаба Захаревич, начальник разведки Валеулин. От второго района — Попов, Касьянов и я. Договорились прочно оседлать дорогу Симферополь — Феодосия, а одновременно регулярно устраивать налеты на гарнизоны противника в населенных пунктах.

Первые совместные выступления наметили провести 3 января. Район действий — деревни Баксан, Ени-Сала, Арталян, Топлы, Салы.

Вечером в штабе района собрались командиры отрядов: Феодосийского — Мокроус, Старо-Крымского — Водопьянов, Кировского — Безногов и Судакского — Юсупов. С ними окончательно уточнили детали.

Вчера рассвет застал нашу группу на пути в Карасубазарский отряд. Через несколько часов мы были уже на месте. Здесь нас тоже ждала приятная новость: разведчики разыскали второго радиста комсомольца Василия Добрышкина. Он много дней голодный бродил по лесу, но драгоценные батареи не бросил. Теперь у нас есть питание для радики.

Вызвали командиров и политруков групп. Перед отрядами поставили задачу в течение суток занять деревни Арталян, Кокташ и выйти на дорогу Симферополь — Феодосия.

Не задерживаясь у карасубазарцев, поспешили в штаб района. Немедленно подготовили приказ. В нем сообщалось о высадке советских десантов в Феодосии и Керчи и ставилась задача всем отрядам: выступить утром 3 января и разгромить вражеские гарнизоны в предгорных деревнях. Особое место отводилось в приказе действиям партизан на дорогах Симферополь — Феодосия, Алушта — Судак, Алушта — Симферополь, Ускут — Карасубазар. Приказ срочно разослали в отряды.

К утру сильно похолодало. Вскоре после рассвета ударили выстрелы: наступление партизан началось. Первое донесение поступило из отряда № 15: в 12.15 заняли лесничество и деревню Айлянма; Джанкойский отряд к этому же времени захватил деревню Чермалык; карасубазарцы овладели деревней Кокташ; Колайский отряд вошел в Камышлык.

Поздно вечером принесли донесение от Чуба. Он писал: *Согласно Вашему приказу в 10.00 отряд занял исходные рубежи для захвата Ени-Сала. Бой окончился полным разгромом врага... С нашей стороны потерь нет. Взяты трофеи... Завтра на рассвете выступаю с целью занятия д. Кишлак.*

Пять деревень заняли мы без потерь. Всюду восторженно встречают партизан.

Местные жители рассказали о похоронах 64 фашистских офицеров в Бахчи-Эли. Это были сотрудники феодосийского гестапо, бежавшие из города во время высадки советского десанта. Вот, оказывается, кого перебили джанкойские партизаны из группы Василия Филипповича Шашлыкова.

4 января

С каждым днем все активнее действуют партизаны на коммуникациях оккупантов и в занятых ими населенных пунктах.

Командир Зуйского отряда Андрей Антонович Литвиненко через нарочного донес о минировании участка шоссе Сяфферополь — Феодосия вблизи районного центра Зуя. Два вражеских танка и грузовая автомашина с пехотой взлетели на воздух.

Михаил Чуб со своим отрядом после продолжительного боя занял деревню Кишлак и перекрыл дорогу Карасубазар — Ускут.

В бою за Кишлак погиб секретарь Ичкинского райкома партии, политрук группы Виктор Григорьевич Самойлов. Он один мужественно выдержал натиск целого взвода гитлеровцев. В последнюю минуту на помощь Самойлову подоспел с группой партизан командир отряда. Тяжело раненный Виктор Григорьевич скончался на руках партизан. Самойлова уважали и любили. Его смерть — большая потеря для всех нас.

5 января

Как только партизаны закрепились в занятых деревнях, штаб района приказом определил дальнейшие наступательные задачи отрядов.

Несколько дней и ночей радисты безуспешно пытались установить связь со штабом фронта. Наконец повезло. Сегодня утром передали первую радиограмму и получили подтверждение о приеме.

6 января

После тщательной разведки и хорошей подготовки наши отряды с боем заняли деревни Арталан, Бешуй, Соллар, Сартана, Камышлык. Боевые группы партизан проникли в Тайган, Молбой, Куртлук, Капырликкой, Еленовку. Теперь мы подошли вплотную к шоссе Сяфферополь — Феодосия. Сделаем все, чтобы закрыть ее для врага.

Сегодня пришлось сменить руководство отряда № 18. Командиром отряда вместо Исаева назначен старший лейтенант Иван Георгиевич Кураков, комиссаром вместо Бедина — Мирон Миронович Егоров.

70

7 января

Прибыли связные Зуйского отряда. Литвиненко сообщает, что занята деревня Тав-Киччак.

Получены донесения и из других отрядов. Сейтлерцы уничтожили две автомашины. Виюкчане активно оперируют на алуштинской дороге. Объединенные силы ичкинских и колайских партизан с боем заняли деревню Камышлык. Группа партизан Карасубазарского отряда под началом Василия Тимохина уничтожила на феодосийской дороге две вражеские машины и захватила ценные штабные документы.

Под вечер в штаб пришел Городовиков. Его разведчики во главе с Владимиром Мамасуевым и Иваном Осьминым вели длительное наблюдение за дорогой Карасубазар — Старый Крым. За день прошли всего две машины, да и те уничтожены карасубазарцами.

— Просто не пойму, в чем дело, — с тревогой сказал Басан Бадминович. — Не верить Мамасуеву и Осьмину не могу: люди надежные, в прошлом лейтенанты, дело знают. А все же странными мне кажутся их данные.

С Городовиковым нельзя было не согласиться. По нашим сведениям, из Симферополя на Феодосию движется большое количество гитлеровцев. От Карасубазара же в сторону Феодосии никакого движения нет. Необходимо проверить, куда деваются вражеские войска...

Интересная беседа состоялась сегодня с местным жителем, колхозным чабаном Муратовым. Он разыскивал «старшего начальника» и ни с кем не желал говорить.

— Ты будешь Советская власть? — спросил чабан, когда его привел ко мне Ващенко.

— Нет, отец. Я только представитель власти.

— И то ладно. Может, разберешься в моем деле... Два месяца пасу колхозную отару. Прячу овец от немцев. А в отаре 234 головы. Замучился. Хочу народное добро законным властям сдать. Да только, чтобы все по порядку. Чтобы расписка была с печатью. Не пропадать же добру! А мне, сынок, отчитываться перед правлением колхоза придется.

— Спасибо, отец! Вы честный и хороший человек. Вы спасли колхозных овец. Только взять их мы не можем — в лесу без корма овцы подохнут. Продолжайте пастись стадо, заботьтесь о нем.

71

Договорились, что Муратов будет по-прежнему при-
сматривать за отарой. А понадобится партизанам — вы-
даст несколько овец по моей записке.

...Можно считать, что теперь у нас наконец установле-
на регулярная связь со штабом Кавказского фронта.
Сегодня получил две радиogramмы и послал три. В одной
доложил командующему фронтом: *Партизаны второго
района контролируют шоссе на дорогу Зуя — Артаман
с задачей нарушать коммуникации противника и оттяги-
вать силы на себя от шоссе на югу. Все дерев-
ни, находящиеся вблизи дороги, в наших руках. Мой штаб
Бешуе. Сбрасывайте Айлянме питание для рации.*

Сегодня утром направил боевое донесение Мокроусову:

1. За последнюю декаду по району уничтожено
338 вражеских солдат, около 30 офицеров, 15 грузовых
автомашин, 2 легковые, 3 танка и 4 подводки. За этот пе-
риод отрядами уничтожено 15 активных пособников вра-
га. У них изъяты винтовки, много гранат.

2. Отряды заняли населенные пункты от границы Са-
цюка до колайцев. На участке Артаман — Ливинские дуб-
ки взята под контроль шоссе на дорогу Карасубазар —
Феодосия. На этом участке отряды регулярно уничтожают
телефонную и телеграфную сеть.

3. Ведем усиленную разведку на север. Мною ставит-
ся задача захвата ряда крупных пунктов, сообразуясь с
обстановкой на фронте.

4. В период 16—17 декабря 1941 года в районе были
сброшены наши парашютисты с рацией. Сейчас установ-
лена связь со штабом Кавказского фронта.

Захваченная рация еще не освоена. Как только будет
пригодна к работе, направим ее вам.

В донесение не вошли результаты боев левофланговых
отрядов. От них сведения еще не получены.

Все ваши указания я получил и принял к исполнению.

9 января

Между Севастопольским оборонительным районом и
Феодосией очень плотна концентрация вражеских войск.
В связи с этим нам приходится действовать в довольно
сложной обстановке, а главное — весьма ограничен район
для маневра.

Но мы не унываем — мы у себя, на родной земле, а

дома, как известно, и стены помогают. Зато оккупантам
не позавидуешь. Им по сути дела приходится бороться и
против войск Крымского фронта, и против частей Сева-
стопольского оборонительного района, и против партизан,
хозяйничающих в горах, лесах и на дорогах Крыма.

Два дня назад мы получили ответ на вопрос, почему
гитлеровцы прекратили передвижение по одной из важ-
нейших коммуникаций — по шоссе Симферополь — Феодо-
сия. Разгадка оказалась несложной. Опасаясь партизан,
противник стал пользоваться екатерининским проселком,
продолженным вдоль линии бывшего англо-индийского те-
леграфа. А лес и горы, которых боятся фашисты, остаются
далеко в стороне от дороги. Для нас это серьезная побе-
да: нам удалось согнать противника с важной и удобной
магистральной.

Вчера в Зуйский отряд пришли две группы красноар-
мейцев-парашютистов под командой Александра Иванова
и Урима Юлдашева. Неделю назад они приземлились в
10 километрах юго-восточнее Симферополя и были обна-
ружены противником. Парашютисты с боем прорвались
к лесу, но пять дней блуждали по горам, пока не встре-
тились с партизанами. Красноармейцы с радостью влились
в нашу семью...

Сегодня совместным ударом джанкойцев и бойцов Го-
родовикова освобождена деревня Бий-Эли. Вражеский гар-
низон бежал.

11 января

Вместе с комиссаром побывали в деревне Чермалык,
которую джанкойцы очистили от оккупантов. В школе, где
разместилась группа Ивана Паршина, встретили несколь-
ко семей беженцев из Карасубазара и других городов. По-
знакомились с семьей Залесских.

Дмитрий Львович Залесский, в прошлом поручик рус-
ской армии, за мужество и храбрость награжденный Геор-
гиевским крестом, много лет был бухгалтером Карасуба-
зарского отделения госбанка. Его жена, Стефания Яков-
левна, в прошлом директор школы.

— Что заставило вас уйти из Карасубазара? — пони-
тересовались мы.

— Ненавижу фашистов, — просто ответил Дмитрий
Львович. — У меня с немецкими оккупантами старые сче-

ты. С 1915 года пошу в груди их пулю. Но главное, конечно, не это. Я русский, советский человек. Хотел податься в лес. Не успел. Годы мои не молодые. Да и здоровье слабое. Силенок немного. А все же кое-что успел сделать. Привез с собой некоторые ценности и бухгалтерскую отчетность. Все упаковано в ящики и спрятано в надежном месте. Уверен: еще пригодится...

Дочь Залесских, Нина, воюет в рядах партизан.

— Вы знаете что-нибудь о дочери? — спросил я Стефанию Яковлевну.

— Ничего... Как ушла накануне появления оккупантов, так и пропала.

— Нина с нами. Жива и здорова. Находится всего в двух километрах от вас. Завтра ждите в гости.

С Ниной Залесской я встретился в середине ноября на горе Средней во время боя Ичкинского отряда с гитлеровцами. Она вытаскивала раненых из-под огня и тут же на снегу делала перевязки. Вечером увидел эту красивую белокурую девушку в штабе отряда Городовикова. Она снова хлопотала над раненым.

— Медицинская сестра Нина Дмитриевна Залесская, — представилась девушка, закончив перевязку. — Бывший педагог. Теперь медик. Но с автоматом не расстаюсь, он нужен, когда провожу воспитательную работу с оккупантами...

12 января

За месяц, что наши отряды активно борются против оккупантов, накоплен немалый опыт. Мелкие боевые и диверсионные группы полностью себя оправдали. Благодаря такой организации партизаны в одно и то же время минируют в разных местах мосты, рвут телефонную связь, пускают под откос автотранспорт противника, истребляют его живую силу и боевую технику, дезорганизуют тылы.

Между партизанами и оккупантами установилось нечто вроде разделения труда: по ночам работают наши диверсионные группы, а в дневное время гитлеровцы восстанавливают то, что было разрушено ночью. И так изо дня в день...

Командир Карасубазарского отряда Тимохин прислал записку: *Много хлопот нам приносит бывший англо-индийский телеграф. Чугунные столбы здесь не подпиливать и*

не взорвать. Провода же мы снимаем, а противник вслед за нами их восстанавливает.

Вот уже два месяца партизаны непрерывно борются за линию связи Симферополь — Феодосия. За это время вырезано 12 тысяч метров кабеля, телеграфного и телефонного провода. Противник потерял сотни солдат, работавших на восстановления и охране линии. Своими диверсиями мы не только лишаем гитлеровцев связи, терроризируем их, отрываем солдат на восстановительные работы, но и основательно подрываем престиж оккупантов.

Тимохин, видимо, просто не понял, как важны для общего дела «хлопоты» карасубазарцев. Пришлось деликатно разъяснить ему это.

Фронт со стороны Феодосии и Керчи приближается к нашему району. Это заставило нас не только усилить боевую деятельность отрядов, но и всерьез заняться организацией агентурной разведки.

13 января

Около 150 вражеских солдат напали на отряд Городовикова, расположенный в деревне Айлялма.

Бой длился почти час. И хотя противник пустил в дело пушки и минометы, его вынудили отойти. На дороге в Карасубазар отступавших ждали в засаде партизаны под командой капитана Паркина. Мало кому из фашистов удалось унести ноги.

А вот другие донесения. Группа джанкойцев подняла на воздух «мерседес» с четырьмя офицерами. Группы Сагана, Иванова, Бородича из отряда № 18 заняли деревню Ени-Сала и захватили солидные трофеи. Добрые вести поступили из Ичкинского и Зуйского отрядов. Кураков сообщает, что отбил у оккупантов деревню Сартана...

Пришел Михаил Яковлевич Текин с письмами от Мокроусова. Алексей Васильевич просит передать в штаб фронта, что в лесу действуют 3300 партизан; отряды хорошо вооружены, но плохо обмундированы и остро нуждаются в продовольствии.

В конце Мокроусов предлагал передать ему рацию с радистом. А между тем у нас самих не ахти какая связь с фронтом: питание для рации подходит к концу. Мы не можем передавать и принимать больше одной радиограммы в сутки, хотя с минуты на минуту ждем самолет...

Наконец-то нам сбросили два грузовых парашюта. На одном питание для рации, на другом взрывчатка. Нашей радости нет предела. Радисты Михаил Захарчук и Василий Добрышкин немедленно взялись за дело, передали три радиogramмы и тут же приняли две ответных. Первому району поставлены ответственные задачи: уничтожать связь противника; подрывать мосты; захватывать пленных и через них установить номера действующих на нашем участке частей и их намерения; наблюдать за передвижением противника главным образом в направлении Карасубазар — Феодосия и Алушта — Судак — Феодосия.

Взято на заметку и такое необычное сообщение: командующий 11-й немецкой армией в Крыму Манштейн присвоил местному жителю Яблонскому чин обер-лейтенанта и наградил его Железным крестом. Предателю поручено организовать добровольческий отряд для борьбы с партизанами.

Кто же он, этот подонок? Яблонский появился в Карасубазарском районе за несколько лет до войны. Некоторое время жил в деревне Соллар и работал трактористом в Чермалыкском лесничестве. В начале войны был мобилизован. Из армии дезертировал, затем скрывался, а с приходом оккупантов стал их прислужником. Враги оценили предателя: подарили ему в деревне Бахчи-Эли каменный дом с фруктовым садом, набитый добром расстрелянных граждан.

Гитлеровцы бдительно охраняют верного холоуя. Мы тоже взяли его «на учет». Рано или поздно он получит свое.

15 января

Действия партизан на такой важнейшей коммуникации, как дорога Симферополь — Феодосия, видно, не на шутку встревожили оккупантов. Они принимают все меры, чтобы изолировать нас от местного населения. В фашистской газетенке «Голос Крыма» опубликован очередной приказ:

Всякое движение по дороге Симферополь — Карасубазар — Старый Крым для населения впредь до изменения ЗАПРЕЩАЕТСЯ. Нарушающие это распоряжение будут арестованы и на долгий срок заключены в лагеря. Ночью, т. е. с наступлением темноты, каждое лицо гражданского населения, встреченное на этой дороге или в

5 километрах в ее окружении, будет без оклика застрелено.

Старшины сел или населенных пунктов, находящиеся вблизи вышеуказанной дороги, обязаны немедленно опубликовать это распоряжение всему населению.

14.1 1942 г.

Германское главное командование.

Приказ уже действует. В деревне Топлы расстреляны девять человек и среди них две женщины. В деревне Карачель на телеграфных столбах повешены двое мужчин.

Как кстати в этот момент оказались сброшенные с самолетов советские листовки с обращением командования Красной Армии к населению оккупированного Крыма:

КРЫМ БЫЛ И БУДЕТ СОВЕТСКИМ!

Дорогие братья и сестры!

Два с лишним месяца вы находитесь под пятой банды гитлеровских насильников. Море крови и слез, издевательства, насилие, грабежи и убийства — вот что вы видите от фашистского зверья. Но скоро будет конец вашему мукам. Красная Армия идет вам на помощь.

На всех фронтах Великой Отечественной войны Красная Армия наносит сокрушительные удары по войскам гитлеровских банд. Советские войска наступают, продвигаются вперед, освобождают города и села от фашистских извергов...

Гитлеровские разбойники хотели уничтожить наш народ, превратить всех трудящихся в подневольных рабов немецких капиталистов и помещиков. Они собирались проглотить Крым с его богатствами, с его героическим народом, но они забыли русскую пословицу: на чужой каравай рта не разевай.

Никогда не бывать гитлеровским порядкам на советской земле! Недалек час, когда гитлеровская грабьярмия будет изгнана из Крыма. Начало этому положено. Доблестные войска нашего фронта выбросили зарвавшихся бандитов с Керченского полуострова и преследуют их дальше.

В городах и селах освобожденного Керченского полуострова снова началась нормальная жизнь свободных,

счастливых граждан. Пущены в ход предприятия, работает железная дорога, установлена связь, в школах учатся дети, работают кинотеатры...

...Дорогие братья и сестры! Беритесь за оружие! Помогайте Красной Армии окружать врага, сжимать железное кольцо с фронта и тыла, уничтожать его живую силу!

Беспощадно мстите за слезы и кровь наших отцов и матерей, жен и детей! Изгоняйте фашистских захватчиков с ваших плодородных полей, садов и виноградников!

Прячьте продовольствие от немецкой грабьярмии, не давайте немцам пристанища, выкуривайте их из своих хат на мороз! Идите в партизанские отряды. Действуйте смелее! Уничтожайте фашистов всех до единого, как бешеных собак.

Смерть гитлеровским бандитам и их приспешникам!

Командование Красной Армии.

16 января

На рассвете всех разбудила сильная артиллерийская канонада, доносившаяся со стороны Судака.

Утром получил радиogramму командующего фронтом: В районе Судака был высажен морской десант в количестве 200 человек, который должен был соединиться с вами, донесите, что вам известно.

О морском десанте, высаженном в Судаке, нам ничего не было известно. Мы знали о другом десанте и тут же радировали командованию фронта: Десант, высаженный в Новом Свете вблизи Судака, разгромлен. Командир и комиссар убиты. Отдельные группы бойцов разбрелись по лесу, часть попала к нам. Подробности завтра...

По данным партизанской разведки, наши войска заняли в районе Феодосии Коктебель, Бараколь, Ююмовку, Карагозы, Асанбай, Ново-Покровку, Владиславовку и другие населенные пункты. Фронт вокруг Феодосии имеет теперь форму дуги. Правый фланг противника опирается на горы, лес и резко пересеченную местность. В этом его преимущество. Войска Красной Армии расположены в горной степи.

17 января

Дорога Карасубазар — Ускут проходит среди крутых и скалистых гор, а местами бежит по лесу. Она так узка,

что трудно разойтись даже двум встречным подводам. Начиная с перевала на Ускут, идет спуск. Здесь дорога тянется вдоль скалистых гор и глубокого обрыва. Даже в мирное время небезопасно было ехать по ней. Ну а теперь благодаря партизанам она стала дорогой смерти для фашистов.

В январе 1949 года южнее перевала, в изгибе, напоминающем подковку, мы с неизменным успехом устраивали засады белогвардейцам. Вспомнив об этом, я посоветовал Михаилу Ильичу Чубу присмотреться к этому месту.

Накануне штабу Ичкинского отряда стало известно, что утром из Ускута на Карасубазар пойдет колонна оккупантов. Командир решил «по достоинству» встретить врага. Задолго до рассвета три группы партизан под командованием Ивана Ермолаевича Матяхина, Сергея Николаевича Коновалова и Владимира Семеновича Жигарева выдвинулись к дороге и заняли позиции у «подковки». Командир отряда Михаил Ильич Чуб расположил людей так, чтобы можно было одновременно бить по голове, центру и хвосту вражеской колонны.

Около десяти утра к партизанским засадам подошла первая группа вражеских разведчиков. Ее пропустили. Пропустили и вторую группу, двигающуюся чуть сзади. Чуб решил ждать основную массу гитлеровцев, которые едва переставляли ноги по глубокому снегу на крутом подъеме. Не тронули партизаны и боевое охранение. Не обнаружив ничего подозрительного, оно углубилось в лес. И только после того как колонна вошла в «подковку», заговорили партизанские пулеметы и винтовки, пошли в ход гранаты.

Немногим гитлеровцам удалось с невероятным трудом вырваться из этой ловушки. У наших потерь нет. Правда, один боец легко ранен и двое обморозились.

Когда все было кончено, мы с Поповым и Касьяновым спустились с высокой скалы, откуда наблюдали за ходом боя, и направились к себе в штаб.

18 января

Смелый налет на фашистский штаб, разместившийся в горной деревне Барановка, провела вчера ночью группа Ивана Александровича Голикова из Биюкского отряда.

Замечательно воюет с врагом бывший агроном биюкского совхоза «Китай» Иван Голиков. Вчера тоже его партизаны блестяще справились с заданием. Одно омрачает нам настроение: Голиков тяжело ранен в ноги и руку осколками гранаты. Товарищи бережно доставили его в лагерь отряда. Будем надеяться, что могучий организм нашего всеобщего любимца выдержит это трудное испытание...

Линия фронта приближается с каждым днем. Среди партизан все чаще идут разговоры о выходе из леса и соединении с частями Красной Армии. А ведь задача наших отрядов осталась прежней: продолжать борьбу в тылу врага. В эти критические дни, когда решается судьба Крыма, самовольное оставление занятых позиций равносильно дезертирству. Пришлось нам с Поповым срочно направить разъяснительное письмо всем командирам и комиссарам отрядов.

19 января

Вчера послал докладную командующему партизанским движением Крыма с подробным анализом положения в районе.

Мы продолжаем удерживать населенные пункты Чермалык, Айлянма, Арталан, Кокташ, Бешуй, Соллар, Сартана, Камышлык, Молбай, занятые 3—6 января.

За две недели отряды провели несколько боевых операций. Наибольший успех сопутствовал ичкинским партизанам. В боях под Кишлавом и на ускутской дороге им удалось уничтожить и ранить более ста оккупантов. У наших двое убиты и двое ранены. Отряд № 18 под командованием лейтенанта Куракова 14 января взорвал мост в Ени-Сала. Активно действуют сейтлерские, биюкские и зуйские партизаны.

16 января Совинформбюро передало: *Отряд крымских партизан под командованием тов. П. атаковал отступающие от Керчи гитлеровские части. Партизаны обстреляли немцев из пулеметов и забросали их гранатами. Противник в панике бежал, оставив на поле боя 120 групп, 6 автомашин, 20 повозок с имуществом и боеприпасами..., 5 мотоциклов, много автоматов, винтовок и патронов.*

Вечером 18 января — новое сообщение Совинформбюро: *Получены сведения о результатах деятельности не-*

скольких партизанских отрядов, действующих в Крыму. По далеко не полным данным, эти отряды за два месяца убили 1800 немецких солдат и офицеров, взяли в плен 41 гитлеровца, захватили 10 пулеметов, уничтожили 70 грузовых автомашин и 58 подвод с боеприпасами и 3 цистерны с горючим. Кроме того, на минированных партизанами дорогах подорвалось свыше 100 автомашин с пехотой противника и боеприпасами.

Воодушевленные победами наших войск в Крыму, партизаны еще больше активизировали свою боевую деятельность.

Я уже говорил, что в ночь на 16-е мы хорошо слышали артиллерийскую канонаду со стороны Судака. Сегодня узнали: там высажен десант, видимо тот самый, о котором третьего дня нас запрашивал штаб фронта. Вот что сообщил об этом командир первого партизанского района Сацюк: *В ночь на 16.1.42 г. в Судак высажен десант силой до полка. Командует им майор Селихов. Десантники с ходу заняли город, а также Малый Таракташ и Большой Таракташ. Два батальона этого полка двинулись в направлении Коктебеля. Одна рота прикрывает дорогу на Судак со стороны Алушты, а другая прикрывает дорогу из Судака на Суук-Су в районе Большого Таракташа. Командир этой роты связался с нами и просит оказать ему помощь людьми и продуктами (письмо командира роты прилагаю).*

Считаю необходимым оказать помощь общими с вами силами.

Тут же была записка командира роты лейтенанта Касенкина:

В Судак высажен 226 сп. Основные силы в 5.00 пошли на соединение с коктебельской группой. Я оставлен в районе Малого Таракташа с задачей прикрывать полк со стороны Суук-Су.

Моя просьба к вам: помочь всеми силами и средствами, которыми располагаете.

Связи со своими частями не имею. Знаю, что еще одна рота оставлена в районе Судака с задачей прикрывать дорогу, которая идет на Алушту. Положение их неизвестно.

Вот и все. Прошу ускорить свои действия, ибо силы у меня не велики.

Л-г Касенкин, 19.1.42 г.

Штаб района тут же приказал отрядам Рюмшина и Городовикова немедленно выступить в сторону Судака. Одновременно радиовали командующему фронтом:

Десант, высаженный в Судак, нуждается в помощи. Сегодня тремя отрядами выступили в район Суук-Су. Остальными отрядами закрываем дорогу Ускут — Карасубазар, Алушта — Симферополь, Симферополь — Карасубазар.

В путь двинулись в полдень. До лагеря Карасубазарского отряда, располагавшегося недалеко от нашего соседа — первого района, добрались только поздно вечером.

23 января

Поход в Судакский район закончен. Каковы его результаты?

В расположение штаба первого района 20 января вышли почти все партизаны Джанкойского и Карасубазарского отрядов, а также отряда № 15. Одновременно с нами сюда подошли Феодосийский, Судакский и Кировский отряды. Оказалось, что ни командиры отрядов, ни руководство района не имели точных данных о составе, вооружении и огневых точках противника в деревнях Суук-Су и Аджибей.

Договорились немедленно направить туда группы разведчиков. Кроме того, послали товарищей для связи с командиром десантной роты.

Разведчики вернулись только на другой день. Сведения принесли самые противоречивые. Больше всего нас удивило, что командир десантной роты вот уже пять суток не имеет связи с командованием полка и действует на свой риск.

На совместном совещании штабов двух районов решено наступать на Суук-Су. На помощь десанту партизанские отряды первого и второго районов выступят в 12.00 21.1.42 года в направлении Айвалык и сосредоточатся там к 16.00; командиру Феодосийского отряда товарищу Мокроусу поручено организовать разведку в направлении Суук-Су, Эльбузлы, командиру Судакского отряда товарищу Юсупову — в направлении Аджибей.

Айвалык — это небольшой дом лесника. Его попеременно занимают то партизаны, то гитлеровцы. Сюда-то и

сошлись шесть отрядов. Разместить людей негде. А мороз к ночи усилился. Пришлось разрешить развести костры, хотя это могло нас демаскировать.

Налет на Суук-Су назначен на 3.00 22.1.42 года.

...Ночь. Отряды бесшумно стягиваются к деревне. Давно погасли огни. Наши залегли в ста метрах от ближайших домов.

Стрелки часов приближаются к трем. Первыми открыли огонь судакчане. И сразу услышали голос Рюмшина: «Товарищи! Вперед, за Родину!» В воздух взвилась ракета. Каждый отряд бросился к намеченному объекту. Грянули выстрелы. Фашисты в одном белье начали выскакивать из домов, и тут же их настигали партизанские пули.

Начальник штаба Джанкойского отряда Эдуард Сизас с двумя бойцами забросал гранатами дом лесничества, где находился штаб вражеского батальона. Командир диверсионной группы этого же отряда комсомолец Андрей Колтунов огнем автомата уничтожил пулеметный расчет противника. Прекрасно дрались комсомольцы Михаил Жучков, Василий Пономарев, Василий Калышев, Ваня Постронко. Коммунист Терентий Черней был тяжело ранен в плечо и обе ноги, но продолжал поджигать вражеские автомашины.

Точно по плану действовали карасубазарцы. Переправившись по колесу в воде через ледяную речушку, они вовремя подоспели на выручку джанкойцам и помогли очистить деревню от оккупантов. Со стороны Салов появились вражеские машины и танкетки. Их встретили феодосийцы и отряд Городовикова, но долго продержаться не смогли. Бой с каждой минутой становился все ожесточенней. Противник непрерывно освещал ракетами местность. Стало светло, как днем, и фашисты открыли ураганный огонь из всех видов оружия. На помощь к ним со всех сторон подтягивались мотопехота, танки, артиллерия.

Наступал рассвет, нам пора было отходить в лес. Дал команду, в воздух взвились две условленные сигнальные ракеты...

До лагеря добрались без потерь. После небольшой передышки послали разведчиков на розыски десантного полка. Связи с ним нет, а она необходима.

25 января

Сброшенный к нам на днях радист Аганесян Бартош передал мне приказ командующего фронтом. В приказе говорилось, что части Красной Армии, захватившие Керченский полуостров и Феодосию, продолжают борьбу за освобождение Крыма от немецко-фашистских захватчиков. Партизанам предлагалось активизировать действия в тылах и на коммуникациях противника и усилить разведку с целью определения дислокации и номеров частей противника, его группировки, направления движения колонн, их боевого состава. Особо указывалось на необходимость обнаружения вражеских танков и организацию ночных налетов на фашистские аэродромы в районах Карасубазара, Симферополя, Сарабуза.

Немедленно радировал Мокроусову. Одновременно проинформировал его и о наших последних делах: из Карасубазара сообщили о состоявшемся районном совещании полицейских и старост. Выступавший там высокопоставленный чиновник оккупационных войск развернул перед собравшимися обширную программу борьбы с партизанами и советскими людьми.

Похоже, готовятся серьезные акции против партизан. Надо быть начеку.

26 января

В отряды направлено письмо с конкретными рекомендациями по дальнейшему развертыванию партполитработы среди населения и партизан.

Вечером к нам пришел Басан Бадминевич Городовиков. Его разведчики под командой старшего лейтенанта М. Ф. Бланка сообщили любопытные новости. Предатель Яблонский организовал в Бахчи-Эли штаб и начал формировать особый отряд для борьбы с партизанами. По его указанию в окрестных деревнях насильно вооружают мужчин от 16 до 50 лет.

30 января

У нас большая радость. Штаб партизанского движения Крыма прислал пятьсот с лишним экземпляров первого номера газеты «Крымский партизан».

Формат газеты невелик, отпечатана она на тонкой

бумаге. В конце набрано: «Карасубазар, 15 000 экземпляров, редактор Егор». Все честь по чести!

По одному экземпляру оставили каждой боевой группе, а остальные передали партизанам-агитаторам для раздачи населению. Наконец-то мы будем бить оккупантов не только оружием, но и правдивым печатным словом!

Кто же эти люди, выпускающие в невероятно трудных условиях нашу газету? Редактор Егор — он же Георгий Викторович Кокушинский — до войны много лет был инструктором-механиком первой гостипографии в Симферополе. Набирают газету двое: политрук группы первого Симферопольского отряда Ефим Соломонович Певзнер, в прошлом телетайпист симферопольского отделения ТАСС, и Сергей Георгиевич Леонов, активный участник гражданской войны, один из руководителей партийного подполья в Севастополе в 1919—1920 годах...

Поздно вечером получены две радиogramмы за подписью командующего Крымским фронтом и члена Военного совета.

Тов. Генов, — прочитал я, — немедленно установите связь с командиром десантного полка майором Селиховым и действуйте по его указаниям. Ежедневно информируйте положение полка.

Эта радиogramма явно запоздала. Десантный полк майора Селихова, неудачно высаженный в районе Судака две недели назад, понес большие потери. Часть десантников давно добралась к нам, и мы уже не раз информировали об этом командование фронта.

Вторая радиogramма являлась ответом на мою просьбу о высадке в горах воздушного десанта для усиления борьбы в тылу врага, а также о присылке самолета для связи. *Выбросить крупный десант воздухом сейчас не имеем возможности, — гласила радиogramма. — Подыщите площадку, где можно будет производить посадку самолета У-2.*

Осмотр площадок я поручил одному из наиболее грамотных офицеров — начальнику штаба Бюкского отряда капитану Николаю Петровичу Ларину. Это были те самые площадки, что я показывал Мокроусову в сентябре прошлого года. По моим прикидкам, там одновременно можно принять целую эскадрилью «дугласов». Однако необходимы поправки на время года. Посмотрим, что скажет Ларин.

1 февраля

Утром пришла группа десантников в составе 110 человек, все из 226-го стрелкового полка. Возглавляли их лейтенант Виноградов и техник-интендант 2 ранга Агеев. Немного позже явились командир 554-го стрелкового полка майор Забродоцкий и комиссар Кузнецов. С ними было около 70 бойцов и офицеров. Партизаны по-братски приняли десантников.

Из беседы с Виноградовым и Агеевым я узнал, что в ночь на 17 января их полку удалось занять Судак, а также Малый и Большой Таракташ. При чем Агеев был назначен комендантом Судака.

Бои с противником принимали все более ожесточенный характер. Гитлеровцы делали все возможное, чтобы помешать десанникам соединиться с войсками, действовавшими в Феодосии.

С каждым днем усиливался приток раненых. Их размещали в школах, многих приняли к себе местные жители. 27 января между деревнями Козы и Отузы полк принял последний неравный бой и понес большие потери. Командир приказал уходить в лес к партизанам...

Позднее мы узнали: в тот же день в Судаке высадился 554-й стрелковый полк под командованием майора Забродоцкого. Гитлеровцы бросили против десантников мотопехоту со стороны Алушты и танки со стороны Феодосии. Майор Забродоцкий решил пробиваться к партизанам. Ему удалось соединиться с нами.

О положении десантников я подробно информировал штаб фронта и попросил у командующего разрешения распределить бойцов по отрядам.

2 февраля

Полнокровно живут партийные организации наших отрядов. С первых дней прихода в лес коммунисты показали себя мужественными, боевыми, преданными партии и Отчизне людьми. Они первыми идут на ответственные и опасные задания, проявляют большую стойкость и отвагу, своим примером спланивают беспартийных.

Сегодня вместе с комиссаром присутствовали на партийном собрании в отряде подполковника Городовикова. Партийная организация за время пребывания в лесу вы-

росла здесь вдвое. На собрании приняли в кандидаты Гришу Кобцева, Александра Кускова, Дмитрия Косушко и прославленного командира группы Георгия Красовского.

— Я постоянно находился вместе с коммунистами, — сказал Красовский, — и видел их всегда впереди, старался равняться по ним. Вся моя жизнь, до последнего дыхания, принадлежит партии. Прошу принять меня в свои ряды. Хочу сражаться коммунистом.

В таком же духе выступали и другие товарищи. Все они стали коммунистами. А мы искренне радовались такому доброму пополнению...

В штабе района нас ждали очередные донесения.

В ночь на 30 января группа Иванова из Зуйского отряда заминировала алуштинскую дорогу в районе Курлюк-Су. В тот же день на партизанских минах подорвались две машины противника.

Группа Тарасова из Бююкского отряда устроила удачную засаду на той же алуштинской дороге в районе Таушан-Базара. Другая группа бююкчан под командой Никанора Васильевича Хатина совершила эффективный налет на вражескую колонну.

12 партизан из Сейтлерского отряда во главе с капитаном Юрьевым не только удачно провели разведку в районе Баксан, Аргин, но и основательно потрепали гитлеровцев в стычке у деревни Казанлы.

4 февраля

Над лесом юго-восточнее Айлянмы наши самолеты сбросили двух радистов: Петросяна и Ригера. Петросян будет работать у Мокроусова. Ригер направлен к нам. Он передал мне письменное распоряжение штаба фронта. Нам предложено усилить наблюдение за дорогами Карасубазар — Старый Крым, Салы — Судак, Судак — Феодосия, Симферополь — Алушта, Ускут — Карасубазар, Ялта — Алушта, Симферополь — Бахчисарай. Кроме того, штабу фронта срочно нужны новые, довольно подробные данные о противнике.

О содержании письма я срочно сообщил Мокроусову. Поставил в известность начальника первого района Сацюка и начальника третьего района Северского. У себя провел специальное совещание командиров отрядов.

Наши радисты Миша Захарчук и Вася Добрышкин получили хороший запас питания для ради. Теперь будем связываться со штабом фронта четыре раза в сутки.

5 февраля

Еще в начале января нам стало известно, что в третьем, четвертом и пятом партизанских районах неблагополучно с продуктами. Не лучше обстоит дело и в самом Центральном штабе. Мы уже дважды посылали туда продовольствие. Сегодня узнали: наши боевые руководители голодают. Срочно готовим к отправке новую порцию припасов.

Самим нам тоже похвастать нечем: количество бойцов растет, а запасы тают. Отрядам приказано параллельно с боевыми операциями отбивать у оккупантов продовольствие. Отрядам, расположенным в деревнях, запретили вскрывать базы в лесу. Личный состав предложено содержать за счет продовольствия, конфискованного у предателей, а также приобретенного за деньги у населения.

6 февраля

Получили докладную Ларина. Его данные почти полностью совпали с моими предположениями. Сегодня же сообщили в штаб фронта о готовности принять самолеты любого типа.

Захарчук читал радиogramму, когда ко мне подошел комиссар и с виноватой улыбкой сказал:

— Считаю себя побежденным, Иван Гаврилович. Два поль в вашу пользу.

— Ты это о чем? — недоуменно спросил я.

— О нашем споре. Не верил я в возможность посадки самолетов в горах. И ошибался. С радостью признаю это.

9 февраля

Боевые группы всех отрядов действуют непрерывно. Успех сопутствует нам. Особенно отличились в последние дни карасубазарцы: им удалось взорвать один из крупных мостов на феодосийской дороге, возле деревушки Пятница. Тол под фермы моста благополучно заложили Александр Павловский и Леня Овчаренко из группы Криво-

бока. Взрыв огромной силы был хорошо слышен даже у нас в штабе...

С радостью приняли радиogramму, которая сообщила о вылете к нам начальника разведки штаба старшего лейтенанта Михеева. Но радость вскоре сменилась печалью. Михеев опустился на парашюте в двенадцати километрах от указанного нами места, в районе горной деревни Шелен. Когда мы с большим грузом поднялись по глубокому снегу на гору Берлюк, со стороны деревни донеслись звуки винтовочной и автоматной стрельбы. Продолжалась она около часа. Видимо, Михеев бился до последнего патрона.

10 февраля

Уже больше месяца оккупанты пытаются проникнуть в лес, чтобы заготовить дрова для отопления своих госпиталей в Симферополе. Пока все их попытки безуспешны.

Получен приказ № 21 командующего партизанским движением Крыма. Меня назначили заместителем Мокросова с исполнением обязанностей начальника партизанских отрядов второго района. Сегодня же направили в Центральный штаб докладную с итогами боевой деятельности отрядов за три месяца.

11 февраля

Карасубазарцы прочно оседлали феодосийскую дорогу. В последнее время противник ведет по ней интенсивные перевозки войск и боеприпасов. И буквально нет дня, чтобы партизаны не устроили какой-либо сюрприз. Вчера ночью, например, сюрприз оккупантам преподнесла группа старшего лейтенанта коммуниста Зарецкого: выведены из строя 3 грузовика, уничтожено 14 солдат.

Городовиков доложил, что вернулась диверсионная группа младшего лейтенанта Осмина. Вырезано 200 метров телефонного кабеля, уничтожено 4 вражеских солдата, охранявших дорогу, взорвана легковая машина с двумя чиновниками фашистской армии. Осмин установил, что от Старого Крыма до Топлов возводятся оборонительные сооружения. Все работы выполняют насильно согнанные местные жители и военнопленные. Место работы усиленно охраняется.

Полученные данные немедленно передал в штаб фронта. С тех пор как установлена регулярная связь, наши действия все точнее согласовываются с оперативными планами фронта.

12 февраля

В мирное время военторг Симферопольского гарнизона имел подсобное хозяйство на Долгоруковской яйле, вблизи Тиркенской лесной казармы. В начале октября 1941 года мы заложили здесь крупные базы с картофелем. О них пронюхал противник. Он много раз пытался вывезти картофель, но мешали боевые заставы, выставленные Бююкским отрядом. Чтобы не допустить к базам партизан, фашисты тоже стали держать на пути к ним постоянные заслоны. Запасы картофеля оказались как бы в нейтральной зоне, и из-за них часто вспыхивали стычки между партизанами и оккупантами.

Вот почему мы не удивились, получив донесение командира Бююкского отряда: *10.11.1942 года группа противника в составе 16 человек с пулеметом и автоматами развернулась на южном склоне горы Заман, наступая в направлении казармы. Встреченная огнем партизан, группа отошла на Барабановку...*

Сегодня группа противника до 20 человек с минометами снова пыталась захватить казарму. Отогнана огнем с заставы.

...Мы с Поповым и Касьяновым побывали в деревне Бешуй. Больше месяца здесь находится группа партизан из отряда № 15 под командой лейтенанта Мамасуева и политрука Ковалева. Жители делятся с партизанами всем, что имеют.

Встретились с чабаном Муратовым. Он сохранил отару овец и передал их партизанам.

Услышав, как горячо я благодарю чабана, Савелий Васильевич Ващенко не выдержал и сказал:

— Правильный человек Муратов... Только больно хитрый. Я уж признаюсь, Иван Гаврилович, подкатывались мы к нему насчет овец, записки писали, вашу подпись подделывали. Не помогло... Отказывает чабан, и все. А ведь он даже читать не умеет. В чем тут секрет?

— Секрета никакого и нет, Савелий Васильевич! Просто мы условились, что подпись я буду ставить только красным карандашом. Вот и вся недолга...

13 февраля

Несколько дней назад командир группы Карасубазарского отряда, бывший пограничник капитан Николай Дмитриевич Мильто получил задание изучить систему охраны дорог противника. И вот сегодня капитан со своими бойцами Леней Овчаренко, Гришей Киреевым, Петром Татарниковым и Иваном Терентьевым появился в нашей землянке.

По лицам партизан нетрудно было догадаться, как они устали и промерзли. А глаза все же светились: ходили не понапрасну. Капитан Мильто попытался было начать докладывать, но я мягко перебил его:

— Согреетесь, отдохнете, перекусите, тогда поговорим о деле. И никаких возражений...

Важные сведения принесли нам бойцы капитана. Выяснилось, например, что дорогу Симферополь — Феодосия в районе Карасубазар — Старый Крым постоянно охраняют солдаты дивизии, штаб которой размещен в Карасубазаре. Причем за каждым полком, батальоном, ротой, взводом закреплены определенные участки. Там, где шоссе пересекает гору или проходит лесом, количество охраны удвоено. Та же картина и на остальных дорогах. В населенных пунктах Карачель, Вахчи-Эли, Артадан, Еленовка, Пятница, Безбалаи, Топлы оккупанты постоянно держат от взвода до роты солдат.

В дни, когда предполагается интенсивная переброска войск, охрану усиливают: посты выставляются даже у небольших мостиков. Подходы к мостам заминированы и обнесены проволочным ограждением в два-три ряда, за ним — дзоты и пулеметные гнезда.

Вдоль дорог со стороны леса натянута проволока, на нее наизаны жестяные банки из-под консервов. Притронешься, и по лесу начнется трезвон. На постах и заставах тотчас поднимается тревога, открывается бешеный огонь.

Днем каждые три — пять километров патрулируют танкетки. Ночью, как правило, движения по дороге нет, но охрана на мостах удваивается. В последнее время патрули и заставы используют также собак...

Да, противник встревожился не на шутку. И все же сегодня утром успешно провели боевые операции на дорогах Джанкойский, Ичкинский, Колайский и 15-й отря-

ды. Уничтожено 4 машины, 2 мотоцикла и 14 солдат. Отряд № 18 снова занял деревню Саргана. Диверсионные группы в различных местах порвали телефонные провода. Под самым носом у оккупантов, возле Безбалана, взорван мост...

Подпольщики из Бахчи-Эли сообщили: предателю Яблонскому все же удалось сколотить из подонков добровольческий отряд для борьбы с партизанами. Фашистский холуй из кожи лезет, чтобы доказать свою преданность оккупантам, и намерен в течение десяти дней покончить с партизанами.

14 февраля

Штаб фронта приказал Забродоцкому создать из остатков 554-го и 226-го полков отдельную боевую группу под командованием Селихова. Начальником штаба группы назначен Зобродоцкий. Группа будет действовать в контакте с отрядами нашего района. Радиограмма подписана членом Военного совета фронта Шаманиным и начальником штаба фронта Толбухиным.

В очередной радиограмме, адресованной мне, предлагалось выслать боевую разведгруппу в район Салы. *Если Юлдашев у вас, — говорилось далее, — поручите это дело ему. Усиьте его своими людьми, хорошо знающими местность. Самая ценная помощь, которую вы можете сейчас оказать фронту, это непрерывная разведка. Особое внимание уделите району Старый Крым — Феодосия — Ислам-Терек...*

Юлдашев сейчас находится в Зуйском отряде. Чтобы не терять время, мы дали это ответственное задание лейтенанту Зарецкому. Поручили ему самостоятельно подобрать группу.

15 февраля

Сообщения поступают регулярно из всех отрядов. Тимохин и Каплуш донесли: *Группа партизан с рассветом вышла на феодосийскую дорогу. Уничтожены две семи-тонные автомашины, которые следовали на Феодосию. На первой машине находилось 30 солдат и 2 офицера. На второй — 26 солдат. Все они уничтожены. В результате перестрелки с подоспевшими фашистами с нашей стороны легко ранен младший лейтенант Ермолаев.*

Взвод солдат пытался напасть на наш гарнизон в Кокташе, но был отбит...

Городовиков пишет: *Наша усиленная боевая разведка под командованием ст. лейтенанта Чечелева в составе 27 человек с одним ручным пулеметом в 13.00 заняла южную окраину деревни Капырликой. Уничтожено 6 солдат противника. Вскоре в бой вступили до 200 вражеских солдат с одной горной пушкой и с минометом, подоспевшие со стороны деревни Бий-Эли. Бой продолжался до 15.30. С нашей стороны потерь нет, у противника 6 убитых и 2 раненых.*

В последнее время из деревень все чаще поступают сигналы о том, что оккупанты собираются проводить весенний сев. Командир Бюкского отряда Филипп Степанович Соловей сегодня передал: *Во многих деревнях фашисты приказали населению привезти все имущество и сельскохозяйственный инвентарь, а также свести скот, ранее принадлежавшие колхозу. Весенний сев производить «общинной» под руководством старост.*

Сейчас, когда советские войска ведут бои в районе Севастополя и Феодосии и час освобождения Крыма не за горами, гитлеровцам явно не до сева. Мы хорошо понимаем это. Понимаем и то, что их затея с севом лишь очередной пропагандистский трюк. Оккупанты хотят показать населению, что они прочно чувствуют себя в Крыму.

Слушая разглагольствования фашистских холуев о подготовке к севу, колхозники выразительно поглядывают на восток, откуда доносится гул артиллерийской канонады. Они говорят: «Если придется сеять, то только для себя, а не для врагов».

И все же вопрос о севе тревожит нас. Чтобы не допустить промашки, запросил радиограммой мнение члена Военного совета фронта Шаманина и секретаря Крымского обкома партии Булатова.

17 февраля

Вчера нам сообщили: в лагерь Джанкойского отряда прибыло более двухсот партизан первого района. Значительная группа судакчан пришла в отряд Городовикова. К вечеру стало известно: снялся с места и штаб первого района во главе с Сацюком. Немедленно радировал штабу фронта: *Сацюк и Селихов находятся нашем районе, подробности завтра.*

Утром в штаб пришли руководители первого партизанского района и Селихов.

— Что произошло? — с тревогой спросил я Сацюка.

— Четырнадцатого февраля противник с двух сторон напал на лагерь наших отрядов, — ответил он после долгой паузы. — Мы начали обороняться, но Селихов посоветовал выходить из окружения и пробиваться к вам. Он со своей группой тут же ушел, а мы приняли бой. Первую атаку отбили. Потом гитлеровцы подтянули подкрепление. Поняв, что их не задержать, я приказал отходить... Так и попали к вам...

— А кто остался на базах? — задал вопрос Попов. Сацюк промолчал.

Пораженный поведением Селихова, я с возмущением сказал ему:

— Вы прекрасно знаете, что партизаны три с половиной месяца находятся в окружении. Из какого же «окружения» вы посоветовали выходить?

Ответа не последовало.

Мы предложили Сацюку немедленно выслать в свой район разведку, выяснить, есть ли там противник, в каком положении находятся лагерь и базы. Решение примем после возвращения разведчиков. А пока разместили партизан первого района в занятых нами деревнях.

Приход отрядов Сацюка до крайности осложнил наше положение.

Штаб фронта запросил о положении Сацюка и Селихова и предложил им срочно переменить место расположения.

Легко сказать «переменить место». Где они будут питаться, если побросали свои базы? А главное, кто будет теперь держать под контролем дороги Артаман — Старый Крым, Салы — Судак, Феодосия — Судак?

К концу дня пришли связные Зуйского отряда. Литвиненко и Луговой пишут: *Мокроусов со своим штабом находится у нас. По его совету решили захватить Бахсан. Будем действовать тремя отрядами... Вчера отбили нападение гитлеровцев. Операцию проводили тремя группами.*

18 февраля

В Карасубазар приезжал руководитель фашистского штаба по борьбе с партизанами в Крыму майор Стефанус.

О чем-то совещался вначале с офицерами, а затем с представителями местных органов «власти»...

В бою у деревни Бешуй отличились бойцы отряда Городовикова — Махиня и Довгарь.

С болью узнал о героической гибели разведчика Богданова, недавно заброшенного в лес штабом Черноморского флота...

Дошли до нас слухи, что голодают партизаны третьего, четвертого и пятого районов. Рады бы помочь, да у самих продукты на исходе. «Что будем делать дальше?» — эта мысль не дает покою ни днем, ни ночью.

19 февраля

Возвратилась разведка, посланная в первый район. Противника там нет, но часть баз разграблена.

Вызвал Сацюка и предложил немедленно возвратиться с отрядами в свой район. Он отказался уходить без Селихова. Пришлось воспользоваться правом заместителя командующего партизанским движением Крыма. Подготовил приказ об отстранении Сацюка и комиссара Великова от занимаемых должностей. Исполняющим обязанности начальника первого района временно назначен командир Феодосийского отряда Мокроус, комиссаром — Пономаренко. Отряды первого района организованно направились к местам прежнего расположения.

Два дня назад связные передали, что противник накапливает силы в соседних деревнях Шелен, Ворон, Арпат, Ени-Сала. Это подтвердила и посланная нами разведка. Гитлеровцы явно намерены прочесать лес в нашем районе.

Ночью послал в разведку Гришу Назаренко и Павла Кузьменко. Они тоже сообщили тревожные вести.

Утром над лесом появилась фашистская «рама». Она долго кружила над Берлюком и над нашим штабом на горе Средней.

Предстоит большой бой. Уходить некуда, будем драться.

Словно подтверждая наши предположения, высоко в небе разорвался снаряд. Белое облако повисло над горой Берлюк. Это был сигнал. Шквал артиллерийского и минометного огня обрушился на лес. Огневой налет длился около часа.

Вскоре белое облачко взрыва снова повисло над Берлюком. Все стихло. Сейчас начнется атака.

Предварительно мы в штабе решили: Попов будет находиться в отряде Городовикова, Лобов пойдет к Чубу, а Касьянов — к джанкойцам. Я с радистами и начальником связи штаба Макалем остался на КП.

Первое донесение прислал Чуб, одновременно занявший намеченный рубеж. Затем дал знать о себе Рюмшин. Он сообщил, что оставил на Берлюке одну группу партизан, а остальных расположил в соответствии с планом обороны.

Давно известно: умный командир и не подумает брать гору в лоб, он обойдет ее. Мы ждали, что именно так поступит и командир передового вражеского батальона. Поэтому хорошо защитили все подходы к Аю-Кая и Скирде. А он повел солдат прямо на гору.

Ситуация для нас сложилась превосходная. Поднявшись гитлеровцев на 100—150 метров, партизаны обрушили на них шквальный огонь пулеметов и автоматов. Обезумевшие фашисты кубарем летели с высоты 900 метров в ущелье.

Отбив первую атаку со стороны Ени-Сала, партизаны тут же переключились и дружным огнем встретили арпатскую группу вражеских солдат, карабкавшихся на голую вершину Аю-Кая. Противник понес здесь еще большие потери.

Пока ичкинцы разделялись с неприятелем на Аю-Кая, в районе Берлюка активно действовали джанкойцы. Первый удар противника приняла на себя застава под командованием Дмитрия Афанасьевича Чигидинова. Задержав оккупантов более чем на час, бойцы Чигидинова дали возможность отряду занять оборону. Коммунист Чигидинов погиб в неравной схватке с врагом, но он до конца выполнил свой долг перед Родиной.

Начальник штаба Джанкойского отряда Эдуард Янович Сизас в разгар боя возглавил группу партизан, находившихся на Берлюке. И хотя на этот участок наступали несколько рот, успеха они так и не добились. Во время боя Сизас прислал мне записку: *У меня всего 32 человека, а наступает 600 солдат противника. Прошу оказать поддержку.*

Помощь была немедленно оказана.

На всех важнейших направлениях до позднего вечера

продолжались ожесточенные стычки с врагом. Ичкинский отряд отбил четыре атаки. Джанкойцы продолжают удерживать Берлюк.

На ночь немцы вывели своих солдат из леса. Нам сверху хорошо были видны их костры.

Поздно вечером пришел связной Колайского отряда Яша Кушпир. Он сообщил, что Мокроусов со своим штабом находится у колайцев, и передал мне его записку: *Товарищ Генев! В происходящих боях проявляйте больше маневренности. Старайтесь бить наступающих фашистов по хвостам. При непосредственной угрозе вашему штабу — отходите. Мокроусов.*

Мы не повторим ошибок Садюка и останемся на своих местах, чего бы это ни стоило.

20 февраля

Ночь прошла для нас сравнительно спокойно. Партизаны разместились по своим землянкам, получили перед сном горячую пищу. А вот гитлеровцам отдохнуть не пришлось. По совету ичкинца Сергея Николаевича Коновалова мы создали в каждом отряде небольшие группы из трех — пяти бойцов. Эти группы подобрались вплотную к кострам и устроили противнику такой концерт со стрельбой, что заставили его до утра держать круговую оборону.

Особенно отличились партизаны Ичкинского отряда Александр Степанов, Дмитрий Пшеничный и Анатолий Караджиев. У джанкойцев хорошо показали себя Миша Калныш, Александр Лещенко, Ваня Постронко.

На рассвете отряды заняли оборону. И почти немедленно поступило донесение Ивана Павловича Рюмшина: *Левее горы Берлюк противник концентрирует большие силы. На помощь ему подошел полк баварцев из горной немецкой дивизии. Мы занимаем свои прежние позиции.*

Вскоре разгорелся бой на Аю-Кая и Берлюке. Его ведут два наших отряда, остальные находятся в резерве. Около полудня Сизас прислал сообщение: *Свыше 300 солдат противника начали новое наступление. Первые атаки отбили, но в конце концов мы были вынуждены оставить Лысую гору. Сейчас перешли в контратаку. Слево от нас действует третья группа. В бой включился и отряд Го-*

родовикова. Противник оставляет на поле боя много убитых. Командир и комиссар отряда находятся на высотах левее Берюка.

Молодец Эдуард Янович. Ему тяжелее всех: приходится сдерживать десятикратно превосходящие силы неприятеля и действовать в очень невыгодных условиях. И все же его группа не только обороняется, но и сама наступает.

В начале боя я приказал Городовикову помочь джанкойцам, ударив одной группой в тыл оккупантам. Городовиков прислал записку: *Ваше приказание выполнил: зашел во фланг и тыл противнику и своим огнем заставил его часть своих сил оттянуть назад.*

Комиссар Карасубазарского отряда Тимофей Каплун тоже порадовал доброй вестью. Его партизаны успешно отбили все атаки. Комиссар особо отмечал в донесении Леню Овчаренко, Александра Павловского, Ивана Ананьева, Мефодия Цымбаленко, Петра Татарина, Петра Команского. С волнением прочитал я строки, где упоминались имена наших отважных связистов и проводников Гриши Киреева и Андрея Ивановича Костылева. Они отлично проявили себя в трудной обстановке, но оба, к сожалению, ранены и, видимо, надолго вышли из строя.

Вчера я несколько раз информировал о положении дел штаб фронта. Сегодня, увидев, как развертываются события, радировал, чтобы задержали выброску грузов, а вместо этого провели бомбежку вражеских войск в Шелене, Арпате, Ускуте, а также на восточном склоне занимаемой нами высоты.

Велика была наша радость, когда в небе показались три самолета с красными звездочками на крыльях. Осколочные бомбы, сброшенные ими, и прицельный огонь из пулеметов заставили оккупантов бежать с занятых позиций.

21 февраля

Наступила передышка, и мы подвели итоги двухдневного боя. Гитлеровцы не смогли окружить партизан и истребить их. Зато сами они понесли большие потери.

По неполным подсчетам, нам удалось уничтожить более 200 фашистов, в том числе 14 офицеров.

Штаб одобрил инициативу командиров групп Ивана Матяхина, Петра Удовичко, Василия Шашлыкова, начальника штаба Джанкойского отряда Эдуарда Сизаса и начальника штаба Ичкинского отряда Игоря Барановского, поручивших своим снайперам охотиться за вражескими офицерами и проводниками.

Вечером состоялись собрания в отрядах. Я пошел к ичкинцам. Толково разобрал проведенную операцию, Михаил Чуб рассказал, кто и как проявил себя. Особенно хорошо отозвался командир отряда о пулеметчиках Володе Аникине, Грише Рыженко, Анатолии Семенове и о рядовых партизанах Яше Крыме, Дмитрие Пшеничном, Анатолии Караджиеве, Георгии Зубареве.

22 февраля

Благодарим за помощь. Просим передать летчикам благодарность партизан за прекрасное попадание в цель, — радировали мы в штаб фронта.

Алексей Васильевич Мокроусов прислал из Зуйского отряда письмо и приказ № 24 от 21.2.42 года. Он подтвердил мой приказ об отстранении от должности Сацюка и Великова. Начальником первого района назначен Мокроус, комиссаром — Пономаренко.

23 февраля

Утром фашисты совершили воздушный налет на Айлянму и Чермалык. Разрушено и сожжено около сорока домов, есть жертвы среди ни в чем не повинных мирных жителей. Главным образом это старики, женщины, дети.

В ответ на новое злодеяние оккупантов карасубазарцы заняли во второй половине дня Кокташ. Колайцы выбили неприятеля из Камышлыка и Куртлука. Одна группа из отряда № 18 совершила удачный налет на вражескую колонну, двигавшуюся по ускутской дороге.

24 февраля

У нас царит праздничное оживление. Ночью получена радиограмма: *Поздравляем вас с 24-й годовщиной Красной Армии. Восхищены вашей героической борьбой с немецко-фашистскими мерзавцами. Будьте и впредь стой-*

кими, мужественными в борьбе с врагами, беспощадно истребляйте немецко-фашистскую нечисть. Военный совет Крымского фронта.

Следующая радиограмма содержала приказ № 60 от 23.2 1942 года. Военный совет Крымского фронта наградил орденом Красного Знамени пулеметчика Ичкинского отряда Владимира Григорьевича Аникина, пулеметчика Джанкойского отряда Якова Осиповича Белоуса, связного штаба второго района Георгия Павловича Гаркавенко и командира группы из отряда Городовикова — Георгия Васильевича Красовского.

Сообщили об этом всем партизанам. Понов, Лобов, Касьянов и я отправились в отряды, чтобы поздравить награжденных. Всюду состоялись митинги.

25 февраля

В просторной штабной землянке джанкойцев полно народу: проводит очередную беседу комиссар Петр Николаевич Клеветов. Слова его, как всегда, доходят до самого сердца. Вот почему, хоть это не было предусмотрено заранее, после выступления комиссара беседу словно бы продолжают партизаны.

Особенно врезалось в память короткое, взволнованное выступление Александра Ивановича Лещенко.

— До сих пор уничтоженных вражеских солдат, автомашины и боевую технику мы учитывали по группам и в целом по отряду, — сказал он. — Теперь каждому партизану надо завести свой счет. Одержим победу, вернусь домой. Пусть тогда родные и товарищи знают, что во время войны я не сидел за чужой спиной...

С гордостью слушал я слова рядового партизана. И как не гордиться такими замечательными людьми! Война в разгаре. Воюют они прекрасно. Верят, что победят. Жизни не пожалеют для победы. Но уж что положено, того у них не отнять. Для каждого советского человека и настоящего патриота доброе имя превыше всего. Не слава, не почести, а именно эти высокие чувства волнуют партизан. Это ли не доказательство величия души простых русских людей!..

За последние дни нам сброшено 110 парашютов с грузом. Доставлены главным образом патроны, мины, гранаты, минометы, медикаменты, питание для рации.

Ни одного грамма продовольствия, а в нем мы все больше нуждаемся. Запасы с каждым днем тают. Сегодня командир отряда № 18 Иван Георгиевич Кураков жаловался, что его бойцы восьмые сутки едят одну немолотую пшеницу. В отряде Чуба нет даже этого.

27 февраля

Утром к нам на Среднюю пришел со своим штабом Алексей Васильевич Мокроусов. Вместе с ним комиссар Серафим Владимирович Мартынов, начальник разведки Иван Николаевич Казаков, и.о. начальника штаба старший лейтенант Виктор Евгеньевич Автомонов, жена Мокроусова Ольга Александровна. Сопровождал их комендантский взвод лейтенанта Федора Ивановича Федоренко и проводники связные Зуйского отряда Николай Константинович Чебышев и Николай Ефимович Воронцов.

О многом переговорили мы в тот день с Алексеем Васильевичем Мокроусовым. Согласовали последние перемещения. Командиром Зуйского отряда стал капитан Николай Петрович Ларин. Карасубазарский отряд теперь возглавляют капитан Николай Дмитриевич Мильто и комиссар Петр Васильевич Команский.

Поздно вечером получено несколько радиограмм. В одной из них — благодарность штаба фронта за ценные разведданные о противнике.